

Шокирующая история Российской империи

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СЫЩИК, ИЩИ ВОРА!

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ РАЗБОЙНИКИ РОССИИ

Александр Александрович Бушков
Сыщик, ищи вора! Или самые
знаменитые разбойники России
Серия «Бушков. Шокирующая
история Российской империи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64850191

Сыщик, ищи вора! Самые знаменитые разбойники России: Эксмо; М.;

2021

ISBN 978-5-04-118319-6

Аннотация

Конечно, без машины времени нам никогда не определить точно, когда на нашей русской земле завелись вору, разбойники, пираты и прочие криминальные элементы.

Великолепный рассказчик Александр Бушков из малодоступных и малоизвестных источников по крупицам собрал информацию по этой теме. И получилась уникальная книга, единственная в своем роде история самых знаменитых разбойников России.

И в этом списке – верьте глазам своим! – Александр Меншиков, единственный в России герцог, любимец Петра,

самая высокопоставленная после императора персона – вор и разбойник.

Тут же исчерпывающее объяснение, когда и почему обычного главаря разбойничьей шайки Степана Разина назвали идейным борцом с царизмом.

И почему донские казаки грешили грабежами пограничных русских селений.

И почему только в России преступления против Бога, Церкви и царя относились к «особо тяжким» и наказывались намного жестче, чем обыкновенная уголовщина.

Читаем, испытываем шок. Снова читаем, познаём, думаем, сопоставляем...

Бушкову можно верить.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	45
Глава четвертая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Александр
Александрович Бушков
Сыщик, ищи вора!
Самые знаменитые
разбойники России**

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Из тьмы времен

Конечно, без машины времени нам никогда не определить точно, когда среди людей завелись воры, разбойники, пираты и прочие криминальные элементы, предпочитавшие не зарабатывать на жизнь честным трудом, а украдкой присваивать либо открыто отбирать чужое. Однако кое-какие догадки (учитывая человеческую природу и кое-что другое) строить можно. Разумеется, не претендуя на истину в последней инстанции, но тем не менее...

Начнем с того, что аналоги преступной деятельности испокон веков существуют в животном мире. Когда стая гиен крутится вокруг завалившего антилопу льва, пытаюсь улучшить момент и оторвать себе кусок, по сути это мало чем отличается от грабежа. Сороки, и особенно вороны, известны как завзятые воровки, сплошь и рядом волокущие к себе в гнездо не вульгарную еду, а какие-нибудь красивые блестящие предметы (похоже, у них есть своеобразные эстетические потребности, а?).

В свое время ученые провели интересный эксперимент с обезьянами. Определенное количество раз качнув рычаг, обезьяна получала жетон, который могла обменять на фрукты. Наши, как утверждают некоторые, дальние родственни-

ки быстро поняли суть дела. И начались интересные коллизии...

Одни тут же проматывали заработанное на яблоки и бананы. Другие, наоборот, старательно копили жетоны. Но самое интересное, почти сразу же завелись экземпляры, сами вкалывать ни за что не желавшие... Одни украдкой таскали у «бережливых» жетоны, другие нападали на работающих и отнимали заработанное теми в открытую. Вот вам и воровство с грабежом прямо-таки в классическом виде.

Нюанс в том, что все эти представители фауны попросту не осознают, что совершают преступление. Нет в животном мире ни понятия преступления, ни препятствовавших бы ему законов. Инстинкты-с... Совсем другое дело – человек. Обладая разумом, он прекрасно осведомлен о существовании законов, но преспокойно нарушает и нарушает таковые, поскольку, увы, издавна привык применять разум не для одних лишь добрых дел...

Точно так же, как кто-то открыл разжигание костра, колесо или лук со стрелами, кто-то непременно должен был открыть воровство, грабеж и разбой. И эти открытия наверняка распространялись в человеческом обществе так же быстро, как колесо или седло... Такова уж человеческая натура, увы.

А потому я рискну предположить, что преступность зародилась еще в доисторические времена, не исключено, в каменном веке. Вряд ли начали с воровства – в тогдашних

условиях гуманоида, вздумавшего бы воровать что-то у соплеменников, вычислили бы быстро и, к бабке ходить не надо, покритиковали бы дубиной по башке. А вот грабеж и разбой... Они, скорее всего, появились гораздо раньше воровства. Потому что было кого грабить и было что грабить.

Археологи давным-давно установили: уже в каменном веке, примерно за 12 000 лет до нашей эры, в Европе существовали торговые пути (иногда пролежавшие по рекам, иногда по суше). И этими путями двигались древние странствующие торговцы, «коробейники» доисторических времен. Их склады-«захоронки» в немалом количестве найдены в той же Европе – всегда вдали от человеческих поселений, поблизости от помянутых торговых путей. «Купцы» каменного века оставляли часть своего товара в укромном местечке, чтобы потом, вернувшись, забрать их и отправиться куда-то в другое место. А коли уж «захоронка» осталась на прежнем месте, досталась археологам в целости и сохранности, это может означать одно: ее владелец погиб.

Разумеется, денег еще не существовало, и потому купцы (пожалуй, это слово следует писать без кавычек) занимались натуральным обменом: каменные топоры, наконечники стрел и копий, другие изделия из камня, соль, зерно, янтарь, знаменитые раковины каури, служившие и украшением, и подобием денег. Торговый путь мог тянуться на тысячу-две километров: например, с юга нынешней Италии до нынешней Голландии, от нынешнего Триеста на Адриатиче-

ском море до нынешнего польского Эльблонга на Балтике (крупного центра добычи янтаря). Предполагают, что купцы плавали и шли небольшими группами, а то и в одиночку.

И сам собой напрашивается вопрос: почему этих «захо-ронок», товаров, за которыми владеец не вернулся исклю-чительно по причине смерти, как пишут археологи, «огром-ное количество»? Как и почему погибли купцы? Конечно, смерть многих можно списать на нападение диких зверей, укус ядовитой змеи и прочие, чисто природные опасности. Да что там, купцу-одиночке достаточно подвернуть ногу на тропе – и конец (даже в наше время в тайге случается, что подвернувший или сломавший ногу человек погибает едва ли не в двух шагах от оживленной автотрассы или деревни, до которых не в состоянии доползти).

Дикого зверья в то время было предостаточно. Однако, как я уже говорил, часть торговых путей пролежала по ре-кам, а река в этом плане гораздо более безопасна, чем суша: и штормов на большинстве европейских рек не бывает, и нет водяных опасных хищников наподобие крокодилов. И тем не менее пропадали без вести, никогда уже не вернувшись за своим припрятанным товаром, и странствовавшие водными путями купцы...

Так почему бы не предположить, что иные из них стали жертвами дорожных разбойников, уже в те времена сообра-зивших, что можно напасть и отнять, не оставляя свиде-телей? Уж если обезьяны, обнаружив, что у их соплеменников

завелось некоторое количество материальных ценностей, едва ли не моментально сообразили, что их можно красть и отнимать, человек мог прийти к тем же выводам не менее быстро. Так что первые разбойники завелись на торговых путях наверняка в те самые доисторические времена.

Один из популяризаторов науки писал, на мой взгляд, чересчур оптимистично: «Многочисленные данные (какие?! – А. Б.) говорят о том, что на торговых путях, пересекавших в доисторические времена Европу и Азию, царил всеобщий мир. Люди, проложившие все эти пути, были очень заинтересованы в мире, и не потому, что слишком уж ценили человеческую жизнь, – потому что злоумышленники могли прервать жизненно необходимые поставки товаров».

Считайте меня циником, но автор этих строк чересчур уж верит в благонравие и законопослушность доисторического человечества... А впрочем, дело даже не в цинизме, а в насквозь практических соображениях. Ну каким образом можно было обезопасить от тогдашних разбойников торговый путь, сотнями километров пролегавший по совершенно безлюдным местам? При том что не было ни государств, ни полиции и дорожной стражи, ни средств связи? И каким образом можно было добиться «всеобщего мира»? Для этого пришлось бы созвать этакий всеевропейский съезд племен и выработать некие правила – но о подобных съездах не заикался ни один историк...

Если воспользоваться опытом не так уж и далеко отстоя-

щих от нас столетий, можно сделать два вывода. Во-первых, когда уже столетиями действовали писанные законы и за их соблюдением следили сильные и развитые «силовые структуры», вору-разбойнички продолжали вовсю шалить на дорогах, частенько не в глуши, а где-нибудь под Парижем, Лондоном или Москвой. Вдоль этих дорог сплошь и рядом торчали виселицы, на которых болтались те, кому не повезло, но это мало кого останавливало – каждый думал, что уж он-то самый ловкий и лично его ни за что не поймают...

Во-вторых, полностью прервать «жизненно необходимые поставки товаров» не способны никакие злоумышленники. В свое время пираты прямо-таки кишмя кишели и в Карибском море, и в Атлантике, и в Тихом и Индийском океанах, и в Средиземном море, и даже в Ла-Манше, не говоря уж о Балтике, – но, как они ни усердствовали, удавалось «отщипнуть» лишь часть грузопотока, включая американское золото. Так что я остаюсь при твердом убеждении: дорожные разбойники должны были появиться уже в каменном веке.

А вот вору, согласно тем же логическим выводам, должны были появиться гораздо позже – когда возникли города (особенно большие, где каждый уже не знал каждого), появились склады с товарами, богатые дома, где имелось немало дорогих вещичек, наконец, царские сокровищницы и казначейства (вряд ли фольклор, повествующий о хитрых ворах, рискнувших покуситься на царские сокровища, – плод чистой фантазии).

Есть общая закономерность: как только появляется письменность, почти сразу же возникают разнообразные «уголовные кодексы», сплошь и рядом хорошо проработанные и четко прописанные, – кое в чем не уступающие современным. За этим безусловно стоит большой и печальный опыт дописьменной эпохи...

И еще один прелюбопытный нюанс: практически одновременно с появлением писаных законов начинается то, что можно назвать «романтизацией преступного мира». Писанный фольклор множества стран (опирающийся явно на вековые традиции устных рассказов) полон баек о ловких ворах, о коих, в общем, повествуется без всякого осуждения, скорее, с некоторым восхищением их проворством и находчивостью. Чего уж говорить о потоке баллад, народных песенок и повестей о «благородных» разбойниках, берущих начало в давние, очень давние времена...

Почему так получилось (и получается до сих пор, судя по иным современным романам и фильмам), никто еще, по моему, не смог объяснить предельно ясно. Ну вот так получилось, и все тут... Дело, конечно, не в том, что сочинители, слушатели, читатели и зрители сами втихомолку мечтали и мечтают о криминальной карьере. Это вряд ли. Тут что-то другое. Быть может, в давней, повсеместной и серьезной нелюбви народов к власти. И налоги она дерет, и рекрутов требует, вообще притесняет по-всякому. А всякий вор-разбойник в первую очередь еще и активный враг власти,

сплошь и рядом открыто ей противостоящий. Как знать, возможно, в этом что-то есть...

Люди постарше помнят, как во времена разгара (угара) перестройки, не к ночи будь помянута, могучим мутным потоком и со страниц газет-журналов, и с телеэкранов, в радиопередачах лилась всевозможная дрянь на русский народ. Его обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах, приписывали черт знает что. С неизменным припевом: русские – варварская нация, безнадежно отставшая на столетия от «цивилизованных и демократических» европейских народов. А потому русским следует каяться абсолютно перед всеми ближними и дальними соседями абсолютно за все, вплоть до падения Тунгусского метеорита. Ну да, и сейчас иные тварюшки поют те же песни – но времена настали другие, поток давно превратился в узенький грязный ручеек, который легко перешагнуть, не запачкав подошв.

К чему это я? К тому, что однажды, давненько, пришлось прочитать статейку того же направления. На сей раз автор на полном серьезе уверял, будто русские – самый криминализованный народ в мире. Поскольку-де «только в русском фольклоре» воры и разбойники выступают положительными героями... Писака этот даже носил звание кандидата которых-то гуманитарных наук (советской, ессно, выпечки).

Лично у меня подобные писания всегда вызывали не раздражение или обиду, а здоровый смех. Поскольку лишний раз демонстрировали невежество нашей интеллигенции, в

том числе и обремененной учеными степенями. В самом деле, как тут не ржать? Если автор статьи понятия не имеет, что положительными героями воров-разбойничков порой изображают во всем мировом фольклоре? Что в западноевропейской литературе довольно долго существовало целое направление под названием «плутовской роман», где с явной симпатией описывались похождения ловких плутов, пусть и не грешивших прямой уголовщиной, но средства к жизни добывавших всевозможными аферами в хорошем стиле Остапа Бендера...

(Отголоски этого то ли направления, то ли жанра докатились и до России. Анонимная «Повесть о Фроле Скобееве» XVII века – классический плутовской роман. Как и написанные в пушкинские времена Фаддеем Булгариным «Похождения Ивана Выжигина» [между прочим, бестселлер того времени].)

И наконец... Именно в русском фольклоре довольно мало песен и сказок, где романтизируются воры-разбойнички. Зато хватает былин, где показанный без всякой симпатии разбойник либо раскаивается и уходит в монастырь замаливать грехи, либо кончает с собой, осознав, что жил глубоко неправильно и крайне грешно.

Зато англичане... У них как раз существует с давних времен мощный пласт фольклора (как поэтического, так и прозаического) о благородном разбойнике из Шервудского леса Робин Гуде, который беспощадно грабил богатых, а награб-

ленное неустанно раздавал бедным, народный печальник. За ним, правда, все время гонялись сушие исчадия ада, шериф Ноттингемский и королевский рыцарь Гай Гисборн, но благородный разбойник, как ему и полагается по роли, все время оставлял их в дураках.

Вот это и есть классическая, стопроцентная романтизация чисто уголовного элемента. Английские историки давненько уж писали: прототипы Робин Гуда (которые определенно существовали) были вульгарными разбойниками и браконьерами. А если и подбрасывали денежку кому-то из местных жителей, то только тем, кто с ними сотрудничал: прятал при необходимости, снабжал едой, предупреждал об облавах и тому подобное (в любой стране главарь разбойничьей шайки всегда стремился создать сеть подобных добровольных помощников).

Но исторические труды сами по себе, а народное творчество – само по себе. И не только фольклор: Робин Гуд в качестве такого благородного рыцаря без страха и упрека попал и на страницы английской классики, конкретнее – в роман Вальтера Скотта «Айвенго». Ну а уж когда к романтизации сей персоны подключился Голливуд, дело приняло вовсе уж широкий размах. Можно добавить, что и советские киношники внесли свои пять копеек: многие должны помнить фильм о чертовски благородных Робине и его сподвижниках, «Стелы Робин Гуда» (отличный, между прочим, фильм, с великолепными песнями Высоцкого). А впро-

чем, говорил герой одного романа: «Это особенно вредно, потому что талантливо...»

Памятник Робин Гуду давным-давно поставлен в Англии (кажется, в том самом Ноттингеме близ Шервудского леса). Однако порой процесс романтизации дает сбой. Некто, оставшийся неизвестным, пустил в народ пошлый, но смешной анекдот: «Жила-была девушка по имени Робин Гуд. У богатых брала, бедным давала». А Юрий Никитин недавно выпустил великолепный роман «О доблестном рыцаре Гае Гисборне», где в полном соответствии с исторической правдой изобразил Гая Гисборна борцом за закон и порядок, а «веселых молодцев» из Шервудского леса – уголовной гопотой без тени романтики, благородства и печали о народном благе. Как оно и было в реальности...

Чтобы еще немного поговорить о романтизации уголовщины, снова обратимся к английской классике. Чарльз Диккенс, роман «Посмертные записки Пиквикского клуба». Декорации следующие: слуга главного героя романа, разбитной парень Сэм Уэллер, решил душевно посидеть в кабачке с отцом-кучером и несколькими отцовскими друзьями (коллегами Уэллера-старшего по профессии).

Англичане (особенно «из простых») всегда любили выпить как следует, не воробыиными глотками, а совершенно как русские люди. И, в точности как русские, любили, оросив душу изрядным количеством дешевого и крепкого джина (излюбленный напиток у английского простонародья, как

у нашего – водка), горланить песни, потому что без этого и застолье – не застолье.

Вот и наши герои, дойдя до нужной кондиции, начинают петь. Что же они поют? Лирические песенки о свидании влюбленных? Песенки юмористические? Баллады о славных деяниях старинных королей? (Всеми этими разновидностями английский песенный фольклор крайне богат.)

Так вот, ничего подобного, господа мои! Слово – Чарльзу Диккенсу:

«После такой прелюдии м-р Сэмюэл Уэллер сразу запел следующую бурную и прекрасную легенду, которую мы позволяем себе привести, предполагая, что она не всем известна...

РОМАНС

Наш Терпин вскачь по Хаунсло-Хит
погнал кобылу Бесс – эх!
Вдруг видит он – епископ мчит
ему наперерез – эх!
Он догоняет лошадей,
в карету он глядит.

«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
епископ говорит.

Хор:

«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
епископ говорит.

А Терпин: «Свой лихой привет
ты с соусом глотай – ай!»
И прямо в глотку – пистолет,
и отправляет в рай – ай!
А кучер был не очень рад,
погнал что было сил.
Но Дик, влепив в башку заряд,
его остановил.

Хор (*саркастически*):

Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

Конец цитаты. Несколько необходимых пояснений. Дик Терпин – один из самых знаменитых английских разбойников XVII века (и его кобылу в самом деле звали Бесс, точнее, Черная Бесс). В отличие от Робин Гуда, существовал в самой что ни на есть доподлинной реальности. Опять-таки в отличие от Робин Гуда, как достоверно известно, работал исключительно на свой карман. Хаунсло-Хит – обширная вересковая пустошь у городка Хаунсло, где Терпин чаще всего грабил проезжающих.

Я проверял – баллада сия не сочинена Диккенсом специально для романа. Это и в самом деле старинная народная баллада. Более того, как пишут литературоведы, Терпин стал героем «многочисленных баллад и народных повестей».

Вот такие дела. Я не выяснял, случилось ли и в самом деле Терпину убивать какого-то епископа. Суть в другом. В том, что собравшаяся в кабачке веселая компания – как на подбор, законопослушные и добропорядочные граждане, не имеющие ни малейшего отношения к криминалу. Разве что за ними, как за кучерами, числятся мелкие грешки, именуемые сегодня «административными правонарушениями», – исключительно того же плана, что и за нынешними водителями-лихачами нарушения всевозможных тогдашних ПДД. Одним словом, вполне приличные люди. И тем не менее они с большим воодушевлением горланят песню о том, как вульгарный разбойник с большой дороги ни за что ни про что застрелил епископа (даже не попытавшись предварительно ограбить), а заодно и его кучера – явно чтобы не осталось свидетеля...

Такой вот национальный менталитет. Как я ни копался в нашем фольклоре, не нашел песни или сказки, где об убийстве священника разбойником упоминалось бы с ноткой одобрения. Есть множество сказок о том, как какой-нибудь ловкий крестьянин обманывает глупого и жадного попа, выманив у него, скажем, денежки или пару гусей, но об убийстве речь не идет ни разу. А вот добропорядочные ан-

гличане без зазрения совести распевают этикие вот «бурные и прекрасные» баллады. Так чье же сознание больше криминализировано, русское или английское?

Судить читателю. А мы пока что перенесемся в раннее Средневековье, на Русь, потому что книга в первую очередь о русских ворах-разбойниках и прочих антиобщественных элементах (хотя порой для сравнения и будем обращаться к европейской истории).

Глава вторая

На суше и на море

Итак, средневековая Русь (слово «Древняя» я терпеть не могу и не употребляю принципиально, разве мы называем Англию века одиннадцатого Древней Англией? Или Францию тех же времен – Древней Францией? Ничего подобного).

XI век выбран не случайно. Именно тогда появляется знаменитая «Русская правда» князя Ярослава Мудрого, представляющая собой первый писанный уголовный кодекс, где подробно перечислены разные виды преступлений и наказаний за них. Еще раньше, примерно на двести лет, появился Церковный устав Владимира Крестителя, где тоже немало места отведено наказаниям за разные преступления. В том числе, прошу не удивляться, за лесбиянство и скотоложество: «если жена с женою», «если муж со скотиною».

Увы, читатель, увы... Как это ни прискорбно для наших патристических чувств, приходится признать, что уже тысячу лет назад наши далекие предки грешили и лесбиянством, и скотоложеством, имевшим, как бы поделикатнее выразиться, некоторое распространение – иначе зачем понадобилось вводить специальные «уголовные статьи»? Я не выяснял, как поступали с лесбиянками, а вот уличенных в скотоложестве тут же продавали в рабство степным кочевникам, половцам и

прочим печенегам. Между прочим, со стороны наших предков это было еще довольно гуманно: европейская инквизиция (а не светские суды), кроме колдунов и ведьм, занималась еще гомосексуалистами и скотоложцами, отправляя изобличенных на костер или уж в виде особого снисхождения гребцами на галеры. Пожизненно, знаете ли. Такие уж времена стояли – о политкорректности и толерантности слышать не слышали, а и услышали бы – не поверили...

Вернемся в средневековую Русь. Упоминания о ворах и разбойниках в русских источниках встречаются довольно рано. Что заставляет подозревать: эти неблагоприятные промыслы существовали давненько, в дописьменные времена. Есть версия, что былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, как сейчас пишут во вступлениях к иным книгам и в титрах иных фильмов, основана на реальных событиях. И Соловей-разбойник был не мифологическим чудищем, а просто-напросто очередным «работничком ножа и топора, романтиком с большой дороги». (И на Руси, и в Европе разбойники сплошь и рядом нападали на проезжающих с оглушительным свистом – чтобы страшнее было.) Ввиду полного отсутствия чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего полицию (как на Руси, так и в Европе), именно княжеские дружинники обычно чистили дороги от уголовного элемента.

Подробно рассказать о «трудовой деятельности» воров и разбойников раннесредневековой Руси не представляет-ся возможным – из-за скудости информации. Зато известно,

что уже в те времена было подробно разработано то, что сегодня именуется оперативно-разыскными мероприятиями. Вот интересный пример касательно обысков. Полноценной уликой, позволяющей тащить хозяина в суд, могла служить только та вещь, что была найдена в запертом сундуке, ключ от которого имелся только у хозяина. То, что открыто лежало, скажем, на столе или подоконнике, будь оно хоть трижды краденое, пусть даже имелся потерпевший, с первого взгляда признавший свое добро, уликой не считалось вовсе и основанием для привлечения к суду служить не могло. Должно быть, и в те времена судьи прекрасно понимали, что производящие обыск могут сами что-нибудь подбросить. И, надо полагать, подбрасывали – иначе почему появилось это правило касемо улик?

О более поздних временах, о коих гораздо больше информации, мы поговорим в следующих главах. А пока что речь пойдет о вполне реальном, невыдуманном отставании Руси от Европы.

В чисто криминальной сфере. Русь практически не знала такой разновидности уголовников, как знаменитые «бароны-разбойники», которыми тогда кишмя кишела вся Европа. Означенные элементы (сплошь из благородного сословия) возводили хорошо укрепленные замки в подходящих местах и делали оттуда разбойничьи вылазки, грабя все, что движется по дорогам и плывет по рекам. Очень многие из них ни баронских, ни иных титулов не имели вовсе, но в

европейской истории вся эта многочисленная криминальная публика осталась под собирательным названием «бароны-разбойники».

Развлекались они подобным образом несколько столетий. По весьма существенной причине, крайне облегчавшей им жизнь: крайней и повсеместной слабости королевской власти и, соответственно, отсутствия сильной полиции и регулярных войск. Германия, пышно именовавшаяся тогда Священной Римской империей германской нации, состояла из трехсот пятидесяти больших и маленьких королевств, герцогств, графств, баронств, вольных городов, владений церковных иерархов и просто «вольных» рыцарей, никому не приносивших вассальной присяги. Императора выбирали знатнейшие магнаты, и власти у него, как бы поделкатнее выразиться... в общем, практически и не было. В своих владениях каждый был сам себе император – что, как легко догадаться, наведению порядка способствовало мало, точнее, вовсе не способствовало.

В Польше уже во времена не выборных, а наследственных королей разгульная шляхта успела придумать поговорку: «Шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе». И развлекалась как могла. Учитывая, что «полноценными» людьми шляхтичи полагали только себя, а всех остальных считали «быдлом» (не только крестьян, но и прочих недочеловеков вроде купцов), благородные паны не видели ничего зазорного в том, чтобы ограбить на большой дороге проезжего

торговца, не важно, жид а клятого, немца поганого или своего соотечественника, не обремененного гербом. Да вдобавок сплошь и рядом иные, располагая немалой силой в виде вооруженных гайдуков и прихлебателей из мелкой, практически нищей шляхты, нападали на более слабых соседей, отхватывали земли, угоняли скот, хапали все, что не прибито и не приколочено (да и то, что прибито, могли отодрать). Этот увлекательный народный обычай сохранялся практически до краха Речи Посполитой в конце XVIII века, чему в немалой степени как раз и поспособствовал разгул шляхетских вольностей...

В Испании дело обстояло не лучшим образом. Собственно говоря, не было еще никакой такой Испании. Значительную часть будущего Испанского королевства еще занимали басурмане-мавры, а на оставшейся существовало сразу несколько невеликих монархий. Сплошь и рядом королей там опять-таки выбирали знатнейшие магнаты и тут же, на церемонии, чтобы новоиспеченный владыка слишком много о себе не возомнил, напоминали, что он – первый среди равных, и не более того. Для чего была даже разработана специальная формула, которую королю зачитывали вслух – чтобы не отпирался потом, будто не знал. Так что и те места кишели разбойниками, представлявшими серьезную проблему даже после того, как мавров вытеснили с Пиренейского полуострова и Испания стала единым королевством. Те, кто читал «Дон Кихота» Сервантеса (конечно, сокращенное, детское

издание, я не встречал читавших о разбойнике Роке Гинарта, к которому попадает в плен главный герой (между прочим, Роке Гинарт, как и Терпин, личность историческая). А потому нет ничего удивительного в том, что пышнее всего «плутовской роман» расцвел как раз в Испании. Только веку к XVII испанские короли крайне жестокими мерами чуть ли не полностью извели разбой на дорогах – но я об этом уже писал в другой книге и повторяться не стану.

Италия... Опять-таки была раздроблена на немалое количество мелких королевств, герцогств, олигархических республик и просто городов-государств. Благодаря чему разбой на дорогах процветал практически до второй половины XIX века, но и после объединения Италии в единое государство путникам приходилось невесело...

Средневековая Франция являла собой некое подобие лоскутного одеяла: кусочки королевских владений-доменов причудливым образом перемежались со множеством полунезависимых (а фактически подчинявшихся французской короне чисто номинально) феодальных владений. Некий барон-разбойник цинично построил замок едва ли не у самых городских ворот Парижа – и увлеченно занимался «проверкой на дорогах»: что везем, добрые люди?

Англия, несмотря на то что была единым государством (без Шотландии, правда), тоже не являла собою образец законности и порядка. Еще в 1215 году самые знатные и влиятельные бароны, собрав войско, незадачливого короля Иоан-

на Безземельного буквально вынудили подписать так называемую Великую хартию вольностей (она же – Магна Карта). Тот, кто решит, что речь там шла о вольности для всех англичан, глубоко ошибется. Все содержание хартии в основном сводилось к тому, что баронам предоставляются вовсе уж запредельные привилегии и льготы – и письменно провозглашалось их законное право начать войну против короля, вздумай он эти привилегии в чем-то ущемить. В результате появились целые области, жившие не по закону, а по беспределу (но об этом интересном явлении я подробно расскажу чуть позже).

Одним словом, «баронами-разбойниками» Европа кишела. Беспредел порой происходил вовсе уж законченный: в августе 1248 года двое немецких рыцарей заявили в гости к своему старому доброму знакомому, такому же рыцарю, но, вместо того чтобы, как старым друзьям пристало, посидеть за бутылочкой, преспокойно ссыпали себе в карманы все драгоценности хозяйки дома, а самого приятеля уволокли с собой и больше года держали в подвале, пока он не собрал немаленький выкуп...

Так вот, на Руси не было ничего, отдаленно похожего на разгул «баронов-разбойников», – вот в этом, как уже говорилось, наши предки безнадежно отстали от «цивилизованной» Европы. (Междоусобные войны между русскими княжествами не в счет, это все же совсем другое.) Русские летописи зафиксировали один-единственный пример, который

можно сравнить с деятельностью «баронов-разбойников»: жители Червонной Руси (как в раннем Средневековье именовалась Галиция) «согнали со «стола», то есть трона, своего князя Владимира (за вовсе уж фантастические пьянство и разврат, далеко выхлестывавшие за любые тогдашние рамки) и назад пускать ни за что не собирались. Оставшись «без-стольным» и решив, что жить как-то надо, князь Владимир (титул-то за ним оставался, не было процедуры, способной «разжаловать» князя, что бы он ни наворотил) собрал самую натуральную банду из любителей легкой жизни и принялся гулять по Галиции, грабя все, до чего мог дотянуться. По свидетельствам русских летописей, эта шайка «тащила на блуд» женщин, не делая разницы меж девицами и замужними, убивала священников прямо во время богослужения, ставила коней в церквах. Как именно закончил свои дни этот субъект, мне неизвестно, но вряд ли покойно и мирно, в собственной постели...

Да, напоследок – еще один любопытный факт из жизни «баронов-разбойников». Кого-то за все художества (особенно с усилением королевской власти, появлением регулярных армии и полиции) удавалось изловить и повесить. Кто-то, отойдя на склоне лет от своей веселой профессии, закончил дни мирным обывателем. А вот одному из них прямо-таки фантастически свезло. Звался он Рудольф Габсбург. Начав карьеру в XIII веке рядовым бароном-разбойником, он ухитрился стать основателем династии Габсбургов, правивших

Австрийской, позже Австро-Венгерской империей до 1918 года. Да вдобавок и он, и несколько его потомков побывали императорами Священной Римской империи – надо полагать, исключительно престижа ради, поскольку реальной власти, как уже поминалось, эта почетная должность практически не давала. Вот такие вот феерические карьеры случались. Куда там английскому пирату Генри Моргану, ставшему всего-навсего губернатором Ямайки...

Но вот если перейти к пиратству морскому... Вот в этом рискованном промысле наши предки в раннем Средневековье ничуть не уступали многим и многим соседям, а также жителям отдаленных земель. Что было – то было. Если называть вещи своими именами, походы киевских князей на Константинополь-Царьград были классическими пиратскими набегами. Грабили все, что могли, выбивали огромный выкуп... Как хотите, а это именно что пиратский набег. Классический.

Мало того, были времена, когда предки-славяне пиратствовали на Черном море с таким размахом и в таком количестве, что какое-то время Черное море соседи именовали Русским морем. По свидетельствам и византийских, и арабских источников, речь идет именно о русах, а не о варягах – и ромеи, и арабы к тому времени неплохо научились отличать одних от других. Русские, что уж там... Если кому-то, в ком особенно сильны патриотические чувства, станет неловко и обидно за наших предков, весьма даже прославивших-

ся на ниве морского разбоя, есть вполне, на мой взгляд, убедительное оправдание: наши предки не были какими-то особенными извращенцами, варварами, исключением из правил. Так все делали. Пиратствовал любой, кто только имел к тому возможность, и это считалось делом вполне житейским. И вообще, наши высокодуховные предки не сами придумали заниматься пиратством, это их разгульные варяги научили...

На Балтике в раннее Средневековье тоже творилось черт знает что. Пиратствовать было столь же привычным, даже будничным занятием, как сажать капусту или печь хлеба.

Первенство, конечно, прочно держали скандинавы-норманны, они же викинги и варяги (под этим названием стоит понимать не только шведов, но и норвежцев – Норвегия тогда входила в состав Швеции, и всякий раз, говоря «шведы», следует подразумевать еще и норвежцев). По размаху их никто так и не смог превзойти – норманны ходили в разбойничьи набеги вокруг всей Европы, на своих проворных судах-драккарах далеко заплывая в реки самых разных стран. Как-то ненароком основали во Франции свое государство, самое настоящее – Нормандию. Захватили власть на Сицилии, и там долго сидела на троне королевская норманнская династия. На Константинополь, правда, нападать не решались, предпочитая наниматься к тамошнему императору на службу – очень уж не по зубам был орешек, – но порой крепенько бандитствовали на окраинных землях Византийской

империи (вообще-то исторической точности ради ее следует называть Ромейской, как она сама себя и называла).

И в Северном, и в Балтийском морях перехватом чужих кораблей и налетами на чужие побережья занимались решительно все: шотландцы, шведы, датчане, англичане, саксы, фризы (германская народность, обитавшая на берегах Балтики), германцы из прибрежных городов Священной Римской империи. Немалый вклад вносили славянские племена бодричей, лютичей и поморян-вендов, порой добравшиеся до восточного побережья Англии. Не отставали новгородцы. Самое интересное, довольно активно пиратствовали эсты, предки нынешних эстонцев – а вот ливы, предки нынешних латышей, и литовцы в пиратстве как-то не замечены. Вряд ли дело в их высоких моральных качествах – у кого они тогда были? Скорее всего, просто-напросто не получалось (отчего все ближние и дальние соседи по балтийскому побережью, есть сильное подозрение, смотрели на них сверху вниз, как на неполноценных, – что это за народ, если он не занимается пиратством, как всем приличным людям положено?).

Такая уж шла игра. Никто ни на кого не обижался, не таил злобы, не давал торжественных клятв отмщения. Дело, повторяю, было совершенно житейское. Сегодня шведы грабят датчан и саксов, через недельку фризы навещают в гости к славянам, а там и славяне наносят ответный визит вежливости, после которого впереди все разбегается, а поза-

ди все полыхает. Нормальное коловращение жизни для того веселого (как для кого) времени, можно сказать, рабочие будни...

Главный интерес всех участвующих сторон заключался отнюдь не в захвате каких-то материальных ценностей, как кто-нибудь может подумать. Большинство народов, то и дело плававших в гости друг к другу, жили довольно бедновато. Разжиться можно было разве что медом, воском, рыбой да небольшим количеством мехов – что никак не окупало расходов и усилий. Определенный интерес в этом плане представляли разве что шведы с норвежцами – тамошние викинги, давно научившиеся отличать золото от меди, за несколько веков экскурсий по всей Европе сволокли к себе немало добра. Правда, отобрать его было трудновато – викинги были парнями крутыми, к тому же имели привычку перед боем зажевать горсть-другую мухоморов, после чего становились вовсе уж недружелюбными. К ним, в общем, плавали тоже не хлюпики, но все равно раз на раз не приходился.

Так что главной целью любого набега было наловить побольше пленников, главным образом красивых девушек и крепких мужчин. Не для употребления в собственном народном хозяйстве, а главным образом для продажи западно-европейским и арабским перекупщикам. Точнее, обмена – сплошь и рядом наловленных пленных сбывали не за деньги, а меняли на мечи, наконечники для стрел, изделия из серебра и стекла, женские украшения, полудрагоценные кам-

ни, сукно, шелк и парчу. Для чего далеко плавать не приходилось – здесь же, на Балтике, на острове Готланд с давних пор существовало большое «торжище», куда и везли добычу. Торговля и обмен шли с превеликим размахом – при раскопках на Готланде археологи отыскиали ни много ни мало – 40 000 дирхемов. Тогдашний дирхем, арабская тяжелая монета из высокопробного серебра, долго играл по всей Европе (и на Руси тоже) ту же роль, что сегодня доллар.

Одним словом, веселого мало. И все же однажды произошла, по моему глубокому убеждению, откровенно комическая история.

Однажды лихие новгородские ребята решили сплавать в шведскую столицу Сигтуну – давно там не бывали, Сигтуна наверняка успела отстроиться, прирасти всевозможным добром и жителями, которых можно было с большой для себя выгодой свезти на Готланд. Ага, вот именно. Как бы это ни задевало нашу национальную гордость, факт есть факт: тогдашние славяне, и новгородцы в том числе, вовсю торговали пленниками, порой и братьями-славянами других народов. Некоторым оправданием, повторяю, может считаться то, что все так делали...

Где-то на полпути новгородцы увидели плывущую навстречу флотилию эстов, чьи корабли едва ли не по борту проседали в воду под тяжестью всевозможного добра. Остановились поболтать вполне мирно: как-никак все свои, чисто конкретные пацаны. Откуда дровишки?

И тут новгородцы словно пыльным мешком по башке из-за угла получили. Выяснилось, что эсты плывут как раз из Сигтуны, от которой остались одни головешки, избежавшие приглашения на Готланд жители разбежались по окрестным лесам, и ничего мало-мальски ценного, как легко догадаться, в городе – точнее, на том пепелище, что от него осталось, – понятно, не имеется. Одним словом, «все уже украдено до нас»...

Шок для новгородцев был нешуточный: готовились, старались, собирались-снаряжались, предвкушали хорошую выручку – и нате вам, опередили. Причем кто? Какая-то чудь белоглазая, бьющая поклоны деревянным идолам или священным дубам...

Недолго думая, новгородцы решительно предложили поделиться нагребленным. Эсты возмутились (как и я бы, наверное, на их месте): с какой стати? Они приложили немало трудов, в поте лица грабили, жгли и ловили пленных, и вдруг нахальные «рюсси» хотят на халяву получить часть законной эстовской добычи? Палец о палец не ударив? Вечно эти русские нороят на халяву.

В общем, эсты новгородцев послали в пешее эротическое путешествие. Новгородцы оскорбились, схватились за мечи и заявили, что в таком случае все отнимут... Начался морской бой, в котором эсты потерпели сокрушительное поражение. Все новгородцам отнять не удалось, иные корабли эстов сумели удрать – но все же добра новгородцам доста-

лось немало. В том числе церковные врата – высоченные двустворчатые двери, литые из металла, искусной работы, очень красивые. Эсты их сорвали с одной из сигтунских церквей. Неизвестно, зачем им эти врата понадобились, приспособить их на родине было решительно некуда по причине полного отсутствия не только церквей, но и языческих капищ и мало-мальски солидных домов. Должно быть, помаленьку просыпалось чувство прекрасного, появились и некие эстетические потребности...

Все награбленное новгородцы, понятно, оставили себе, но поскольку как добрые христиане должны были подумать и о духовном, подарили означенные врата собору Святой Софии – где их можно увидеть и сегодня.

В чем тут юмор, спросите вы? Да в том, что врата эти шведы не сами сделали (у них еще не было ни таких мастеров, ни технологий), а отломали от какой-то из германских церквей, когда подожгли и ограбили то ли Аахен, то ли Бремен. А поскольку к тому времени шведы успели принять христианство, то они, как позже новгородцы, подумали и о духовном, торжественно преподнеся врата в дар одной из сигтунских церквей. Получилось в полном соответствии с пословицей: вор у вора дубинку украл...

Для сравнения рассмотрим в чем-то схожий случай, произошедший в Западной Европе – в те времена не особенно и цивилизованной, откровенно-то говоря.

Жил-поживал, горя не зная, в конце XV века капитан

большого и хорошо вооруженного корабля «Петер Данцигский» Пауль Беннеке – пожалуй, самый известный пират того столетия. Прославившийся в том числе еще и тем, что стал единственным в истории мирового пиратства капитаном, которому удалось взять в плен коронованную особу. Однажды он перехватил в открытом море кораблик, на котором плыл в Европу в вынужденную эмиграцию не кто иной, как король Англии Эдуард IV в компании лорд-мэра Лондона. Короля самым вульгарным образом сверг с престола влиятельный сановник граф Уорвик, оставшийся в истории с прозвищем Делатель королей. На каковое, в общем, имел все права: в свое время в первую очередь благодаря его усилиям Эдуард и стал королем, победив сидевшего тогда на троне Генриха IV (которого посадил в Тауэр, но крайне неосмотрительно оставил в живых, что, в общем, противоречило незатейливым традициям той эпохи). Гуманизм вышел Эдуарду боком: через несколько лет он решил отставить Уорвика от дел, тот разобиделся не на шутку, собрал войско, сверг Эдуарда (я тебя породил, я тебя и убью!), выпустил из Тауэра Генриха и, так сказать, восстановил его на троне. Эдуард едва успел унести ноги.

Самое интересное, что из пиратского плена Эдуард освободился быстро и легко. Мужик был обаятельный, обходительный, с хорошо подвешенным языком – и как-то так уболтал Беннеке, что крайне расположил его к себе, и пират отпустил Эдуарда без всякого выкупа, а заодно и лорд-мэра.

Эдуард тут же набрал войско, высадился в Англии и в первом же сражении наголову разбил Генриха. Уорвик в том бою был убит, а взятого в плен Генриха Эдуард, чтобы не повторять прежних ошибок, распорядился потихоньку прикончить. После чего еще долго просидел на троне и умер своей смертью.

Но это уже другая история... Итак, Беннеке. Собственно говоря, он был не пират, а капер. Разница меж этими двумя понятиями большая. Пират – изгой-одиночка, на свой страх и риск работающий на свой карман. Капер же во время войны двух государств поступает на службу к одному из них, получает оформленное по всем правилам каперское свидетельство, после чего прямо-таки на законном основании захватывает и топит корабли противника (только, упаси боже, не «нейтралов»). В отличие от пирата, взятого в плен капера не полагалось вешать без всяких церемоний или лишать головы – человек как-никак на службе, и относиться к нему нужно как к военнопленному...

В то время как раз шла очередная вялотекущая войнушка меж Англией и Ганзой – довольно могучим союзом приморских торговых городов, в основном немецких, располагавшим серьезным военным флотом и игравшим немалую роль в европейских делах. Беннеке получил каперское свидетельство от ганзейского немецкого Данцига (ныне польский Гданьск). И стоял на якоре в голландском порту Брюгге, прикидывая, куда податься и кого ему Бог пошлет.

Так уж вышло, что англичане ему не попались. Зато Беннеке получил точные сведения, что стоящая в том же порту флорентийская галера «Св. Фома» набита ценностями по самую палубу: золото, серебро, немало прочих дорогих вещей, предназначенных для папы римского.

Не вынесла душа поэта... Беннеке ушел в открытое море и, едва показалась галера, кинулся на абордаж. Капитан галеры, решив, что это какое-то недоразумение, стал показывать на свой флаг и кричать:

– Флоренция! Флоренция!

Флоренция мало того что держала нейтралитет в англо-ганзейской заварушке – у нее с Ганзой был подписан особый мирный договор. Так что Беннеке совершал прямое преступление, нарушая неплохо прописанные к тому времени законы. Однако это его явно нисколько не заботило. В ответ на вопли капитана галеры он с обаятельной улыбкой ответил что-то вроде:

– А мне начхать! Форвертс, ребята!

«Ребята» после короткого жестокого боя захватили галеру, и Беннеке увел ее в Данциг, где преспокойно продал тамошним купцам и корабль, и сокровища. Те все это приобрели без всяких моральных терзаний – хотя прекрасно должны были понимать, что стали соучастниками преступления, то бишь скупщиками краденого (чувет моя душа, что по этой причине они дали Беннеке гораздо меньше рыночной цены, как у скупщиков краденого обычно и водится).

Так вот, в чем сходство двух историй... Как порой столетий раньше новгородцы, Беннеке тоже не забыл о духовном. Кроме прочих ценностей в трюме галеры обнаружился предназначенный опять-таки для Ватикана алтарь с изображением Страшного суда, расписанный знаменитым художником Хансом Мемлингом, который и сегодня числится среди великих. Алтарь посланцы папы честно купили за приличную сумму – в отличие от иных великих художников, умерших в нищете, Мемлинг и при жизни зарабатывал весьма неплохо.

Именно этот алтарь Беннеке благородно пожертвовал Данцигской церкви Святой Девы Марии – где дар приняли с благодарностью, хотя прекрасно знали о его происхождении...

Папа Сикст VI, как любой на его месте, рассвирепел не на шутку. Он отправил в Данциг личного посланника с письмом, в котором требовал вернуть все награбленное, угрожая в случае отказа всеми мыслимыми земными и небесными карами. Однако папский гонец вернулся несолоно хлебавши – прижимистые обитатели Данцига не вернули и гроша ломаного, не говоря уж об алтаре. Судя по всему, их не особенно пугала кара небесная – а уж земной они не боялись ни-сколечко. Прекрасно понимали, что у папы нет физической возможности привести угрозы в исполнение. Вообще прибалтийские немцы-католики (и не одна только Ганза) никогда не считали римских пап такими уж авторитетами – по той простой причине, что обитали в безопасном отдалении

от Святого престола. Ни тогда, ни потом. О том, какие художества выкидывали во время Ливонской войны магистры духовно-рыцарских орденов, я уже подробно писал в книге об Иване Грозном (желающие могут ознакомиться, и, я уверен, не пожалеют – там творилась масса интересного...).

В общем, папа ничего назад не получил. Беннеке жил еще долго, многое успел наворотить – и умер в собственной постели. Алтарь работы великого Мемлинга уцелел и в XVII веке, когда русские штурмовали Данциг с засевшим там французским гарнизоном, и во Второй мировой. Его и сегодня можно увидеть в Гданьске в той же церкви.

Так вот, если сравнить эти две истории, кто выглядит пригляднее – новгородцы или Беннеке? По моему глубокому убеждению, новгородцы, и я в этом уверен отнюдь не из патриотических чувств. Просто-напросто новгородцы действовали в полном соответствии с понятиями своей эпохи, не обремененной писаными законами, – а вот Беннеке как раз и нарушил самым бесцеремонным образом четко прописанные законы своего времени...

Вернемся на Балтику и на Северное море. Описанная мною вольготная пиратская жизнь, когда все грабили всех, еще какое-то время продолжалась с прежним пылом, но потом помаленьку пошла на убыль. Дело тут, конечно, не в моральных соображениях и не в возросшем законопослушании – подобной лирикой в те времена не заморачивались вовсе. Причины, как и во многих других случаях, были чисто

экономические. Поскольку оравы разноплеменных пиратов кроме налетов на прибрежные города друг друга прямо-таки в массовом порядке перехватывали торговые корабли, морская торговля на Балтике и в прилегающих районах в конце концов пришла почти в совершеннейший упадок. Что чувствительно било по карману не только купцов, но и королей нескольких стран, терявших свою долю дохода в виде торговых пошлин и прочих отчислений. Особенно туго приходилось Англии – у нее для связи с окружающим миром попросту не было других путей, кроме морских...

Так что пиратов понемногу начали прижимать, и всерьез. Начали отлавливать повсюду, организованно и целеустремленно. Ганза, Тевтонский орден и датская королева создали объединенный флот, чьей задачей стала исключительно охота за пиратами. Готланд в конце концов после нескольких военных операций против него перестал существовать как пиратское торжище. Точно так же прибрежные города Висмар и Росток, до того долго следовавшие примеру Готланда, закрыли для пиратов свои порты и рынки. Впервые в истории торговые морские флотилии стали передвигаться под охраной военных кораблей. В Англии пиратство объявили «государственной изменой». Там же в 1536 году вышел закон о борьбе с морским разбоем. По подсчетам историков, в первые два года его действия пиратов было повешено больше, чем за предшествующие триста лет. Одним пиратам стали выдавать каперские свидетельства против других – чтобы са-

ми уничтожали друг друга.

Одним словом, борьба против пиратов развернулась нешуточная и ожесточенная. Однако, как ни старались, полностью истребить эту заразу или хотя бы свести ее к минимуму никак не удавалось. Еще и оттого, что писанные законы иногда бывает очень трудно выполнять. Вот, скажем, английский король Генрих IV заключил с Францией и Испанией договор, по которому все три страны обязывались больше не принимать пиратов на службу в каперы, а, наоборот, беспощадно отлавливать и вешать. Незадача в том, что реально выполнять этот договор могли только Франция с Испанией, а у Англии просто-напросто не было достаточно сильного военного флота. И кончилось все тем, что английские пираты перестали нападать на французские и испанские корабли (появились большие шансы угодить на виселицу), зато переместились в английские воды, где всю грабили соотечественников, прекрасно зная, что ловить их просто некому...

И все же в конце концов пираты в Северном море и на Балтике почти полностью перевелись – остались лишь отдельные одиночки, такие динозавры. Причины заключались не в писанных законах, морской охоте на корсаров и виселицах – они были опять-таки экономическими. Окончательно пиратство добило открытие Америки и испанские там завоевания. Главные морские торговые пути переместились в Атлантику. Морской разбой на Балтике и в Северном море перестал быть таким уж выгодным предприятием – а вот

риск для пиратов возрос многократно.

Кстати, те же причины фактически прикончили и Ганзу. Во время своего расцвета в нее входили 85 городов, но потом осталось только три, а там Ганза тихонечко скончалась, что прошло почти незамеченным...

Оставшиеся пираты стали выживать кто как мог. Самые отчаянные попросту переместились в Атлантику. Самые осторожные плюнули на прежнее ремесло и тихонько дожидали век на берегу. Самые упертые консерваторы продолжали орудовать на Балтике – все же торговое судоходство там не прекратилось полностью, и кое-чем поживиться было можно. Однако крепки государства и их военные флоты, «консерваторов» все чаще ловили и вешали, пока в XVII веке не истребили окончательно.

Один немаловажный нюанс: еще задолго до полного искоренения пиратства на Балтике там покончили с той самой древней традицией налетов на прибрежные города. А потому масса народу в самых разных странах, занятая исключительно этим ремеслом, осталась не у дел.

В том числе, как легко догадаться, и новгородцы. Однако смекалистый русский человек сплошь и рядом найдет выход там, где представитель другой нации окажется в тупике. А впрочем, если подумать, дело даже не в смекалке. Просто-напросто перед новгородцами открылись возможности, которых их бывшие иноплеменные собратья по пиратскому ремеслу были лишены по чисто техническим причинам.

Точнее, по географическим.

Новгородские пираты просто-напросто открыли для себя другие пути, на которых можно было практически безнаказанно охотиться за добычей, недоступные для других наций.

И стали ими пользоваться со всем размахом...

Глава третья

Волга, Волга, мать родная...

Песня эта сочинена в XIX веке, когда и была особенно популярна:

Волга, Волга, мать родная,
Волга – русская река...

Вот только во времена, которые я буду описывать – первые двести лет после татарского нашествия на Русь, – Волгу никак нельзя было назвать «русской» рекой. Скорее уж «татарской». Русским принадлежал лишь небольшой ее кусочек, а большую часть контролировали Казанское и Астраханское ханства, осколки Золотой Орды. Но сначала – о Новгороде. Не знаю уж, почему так вышло, но с уверенностью можно сказать: Новгород – единственный русский город, чья история до предела мифологизирована, мало того, романтизирована. Очень много писалось о Новгороде как оазисе средневековой демократии посреди окружающего моря разливанного тиранства. Якобы на знаменитое новгородское вече собирались все до единого жители (причем право голоса имел и самый последний замурзанный ремесленник) и демократическим голосованием выбирали городское «руководство», а также решали важнейшие дела «государственного строи-

тельства».

Вот только другие, достаточно серьезные исторические работы рисуют далеко не столь благостную картину: «Вече собиралось редко и только в исключительных случаях», «Богатые и сильные бояре были фактически хозяевами в Новгороде и правили им по своему усмотрению».

Это гораздо больше похоже на правду. Описанная ситуация как нельзя лучше соответствует нравам Средневековья. Именно так обстояло дело в тех итальянских городах-государствах, что не имели титулованного правителя и пышно звались «республиками» – на самом деле всем заправлял узкий круг тогдашних «олигархов», порой принадлежавших к одному-единственному богатому и влиятельному роду, как это было во Флоренции с семейством Медичи.

Да, конечно, вече и в самом деле выбирало и посадника (высшее должностное лицо, ведавшее всеми делами Новгородской земли), и тысяцкого (начальника новгородского войска). Однако вече было далеко не столь многочисленным, как его порой изображают, и наверняка состояло из «групп поддержки» того или иного кандидата. Знаем мы, как это делается, – и страшно демократических выборов насмотрелись в своем Отечестве, и об американских делах наслышаны... Одним словом, как говорится в одном пошловатом анекдоте: «Так вот, сынок, у кошечек с собачками то же самое...»

Вот именно, не зря еще до присоединения Новгорода к Московскому государству летописцы зафиксировали не

один бунт «черного народа» против собственных бояр, чьи богатые хозяйства «чернь» сплошь и рядом разносила по бревнышку. Не зря во время знаменитой битвы меж москвичами и новгородцами на реке Шелони в 1478 году пятитысячное московское войско чуть ли не моментально разгромило сорокатысячное новгородское. Это никак нельзя объяснить каким-то особым полководческим искусством московских воевод и бездарностью новгородских – вероятнее всего, большая часть новгородской рати попросту разбежалась с поля боя, не видя смысла класть свои головы за боярские интересы (кстати, митрополит Новгородский вообще отказался выводить свою немалую личную дружину на бой с москвичами). Да и в 1650 году, во время знаменитого новгородско-псковского народного восстания бунтовщики, ни словечком не упоминая о восстановлении прежней независимости, первым делом кинулись громить боярские усадьбы – крепенько накипело, должно быть...

Но разговор у нас пойдет не об отношениях меж просто-народьем и всемогущим боярством, а об ушкуйниках. Так именовались дружины новгородских удалцов, с определенного времени (точнее, с тех времен, когда на Балтике новгородцам резко поплохело) отправлявшихся за добычей уже речными путями. Название это происходит от слова «ушкуй» – именно так звались корабли новгородцев. Точного их описания в истории не осталось, но, судя по косвенным данным, это были беспалубные ладьи наподобие драккаров

викингов, способные двигаться как под парусом, так и на веслах, вмещавшие до тридцати воинов (и наверняка было оставлено немало свободного места под будущую добычу).

В первую очередь ушкуйников интересовали протянувшиеся за рекой Камой необозримые лесные чащобы, населенные языческими угро-финскими племенами, находившимися чуть ли не в первобытнообщинном строе. Строй строем, а мехов эти язычники добывали изрядное количество – и если учесть, что меха в ту пору ценились лишь самую малость ниже золота... В общем, было за чем плавать. О торговле речь, конечно, не шла – меха попросту отбирали силой: ну к чему они дикарям, которые, как говорится, живут в лесу, молятся колесу?

Не меньший интерес представляло «закамское серебро». Дело в том, что у «диких лесовиков» за несколько столетий накопились большие запасы серебра – не в монетах, а в виде изделий. Серебро туда возили персидские и арабские купцы, выменивая его на меха. Дикари дикарями, но в серебре они разбирались хорошо. И особенно ценили большущие, массивные блюда с разнообразными красивыми рисунками (так называемое «сасанидское серебро», поименованное так оттого, что было изготовлено во времена правившей некогда в Персии династии Сасанидов). Особенно ценились у лесных язычников эти блюда оттого, что их чаще всего, украсив разнообразными висюльками, вешали на «священные» деревья и поклонялись, как идолам (как полагают некоторые истори-

ки, видя в блюдах символ Солнца). До сих пор в тех местах иногда обнаруживаются серебряные клады.

Была когда-то забытая сейчас (по моему мнению, несправедливо) детская писательница В. Прилежаева-Барская, написавшая немало интересных книг о наших далеких предках. В том числе и небольшую повесть «Ушкуйники». В младшем школьном возрасте я ею зачитывался – а совсем недавно, отыскав на чердаке в ворохе старых книг, не поленился перечитать. Конечно, теперь повесть вызывала совсем другие чувства, но, черт побери, как изящно сделано! В хорошем романтическом стиле романов Сабатини о благородном пирате капитане Бладе...

Сюжет довольно прост. «Наши», то есть новгородские добры молодцы, цитируя Пушкина, «все красавцы удалые», все в красивых кольчугах и сверкающих шлемах, плывут в те самые закамские дебри – чтобы взять серебра у тамошних жителей, по описанию больше всего похожих на «снежных людей», разве что умеющих говорить. Вот так вот с детской непосредственностью прийти и взять: а зачем серебро этим дикарям?

Поначалу дело не клеится – лесные дикари, по дремучести своей никак не способные уяснить, с какой стати они обязаны за просто так отдавать нагрянувшим неведомым людям гору серебра, где-то старательно прячут свои сокровища. Однако дочь вождя (единственная среди местных более-менее похожая на человека) влюбляется в главного ге-

роя и показывает ему тайник. Навьюченные серебром, как верблюды, новгородцы радостно спешат к своим ушкуям и уплывают. На чувства дочери вождя главный герой никак не отвечает – он не потаскун какой, у него в Новгороде есть любимая девушка, на которой он раньше по бедности не мог жениться (из весьма богатой семьи красавица) – зато теперь, получив немалую долю добычи в серебре, можно и сватов засылать...

В общем, вульгарный разбойничий набег мастерски, что уж там, описан в романтических тонах, убойно действовавших на младших школьников...

В реальности, конечно, такую девицу за предательство зарезали бы моментально. А как иначе прикажете поступить с паршивкой, выдавшей заезжим пиратам место, где хранятся сокровища племени? В первую очередь родной папа полоснул бы ножичком это чад...

Вообще, в реальности такие вот предприятия были делом гораздо более кровавым. Новгородцы воевать умели – но и лесные язычники не были белыми и пушистыми, луком владели прекрасно (охотники как-никак) и вовсе не собирались безропотно отдавать свое кровное серебро заезжим бандюганам. В невыгодном положении сплошь и рядом оказывались как раз ушкуйники – им приходилось не на мечах биться с врагом в чистом поле (вот там-то у них получалось неплохо), а пробираться по незнакомым чащобам, где из-за каждого дерева могла прилететь стрела, а на любой тропинке могла

оказаться хорошо замаскированная яма с острыми кольями на дне. Так что кому-то везло, и он возвращался с хорошей добычей, мехами и серебром, а вот другим шайкам (как их еще прикажете называть?) везло гораздо меньше...

Вполне возможно, из-за ожесточенного отпора «лесных дикарей» ушкуйники переключились на более цивилизованные места, где и чащоб было гораздо меньше, и можно было привычно помахать мечом. Конкретно – на пограничные московские земли. В 1342 году некий новгородский боярин Лука Варфоломеевич отправился пограбить примыкавшие к реке Двине московские владения, собрав немалую дружину из своих боевых холопов. (Боевые холопы были народом специфическим. В отличие от «простых» холопов, пахавших, сеявших и ремесленничествовавших, они имели одну-единственную задачу: ходить с хозяином в военные походы или разбойничьи набеги. Так что ребятки были не промах, оружием владели отлично.)

Поначалу дела у Луки шли неплохо, и взял он немало, но потом, когда он окончательно достал местных жителей, они объединились, разгромили его отряд, а самого Луку забили до смерти. А ведь предупреждали его добром и новгородский посадник, и митрополит: не ходи, Лука, это тебе не дикий лесной люд...

Да, кстати, параллельно с набегами на некрещеных и крещеных соседей новгородцы не раз ходили войной на Псков. Псковичи тоже не ангелочки, не раз совершали ответные ви-

зиты, иногда в союзе с ливонскими крестоносцами, наплевав на их «латынство». Скуки не было...

Полсотни лет спустя последователям незадачливого Варфоломеича повезло гораздо больше: ушкуйники захватили Великий Устюг, принадлежавший тогда Москве, город сожгли дотла, городскую казну выгребли дочи́ста, а заодно ободрали все драгоценные оклады с икон в соборной церкви. Потом заодно разорили и разграбили расположенный неподалеку город Белоозеро, опять-таки пребывавший «под рукой» московских князей.

Но самую большую поживу ушкуйники получили, вырвавшись на волжские просторы... В истории полно парадоксов. Один из них заключается в том, что именно контролировавшие большую часть Волги татары и восстановили знаменитый некогда Великий Волжский торговый путь. До Батыева нашествия по Волге вплоть до Астрахани в обоих направлениях плавало превеликое множество купеческих судов из самых разных стран – иноземные везли разные товары в русские поволжские города, а русские купцы через Астрахань торговали с Востоком. Потом этот путь захирел на несколько столетий с лишком – и из-за того, что Русь распалась на множество княжеств, то и дело воевавших меж собой (тут уж не до нормальной торговли), и из-за истощения арабских серебряных рудников, отчего дирхем чеканить перестали, и «доллар Средневековья» понемногу вышел из употребления.

И вот теперь прочно обосновавшиеся на берегах Волги татарские ханы решили возродить этот торговый путь в прежнем блеске. И довольно быстро возродили. Татарин татарину рознь. Это крымские татары видели смысл в жизни исключительно в том, чтобы устраивать налеты на русские, польские и молдавские земли, а захваченных там пленников либо продавать на огромном невольничьем рынке, который устроили обосновавшиеся в Кафе генуэзцы, либо использовать в собственном хозяйстве (ну, разве что делали еще седла и ножи, очень неплохие, кстати, так что турецкие оружейники частенько ставили на свою продукцию фальшивые крымские клейма).

Зато казанские и астраханские татары торговать и любили, и умели. Очень быстро на Волге после долгого перерыва вновь стало очень оживленно, вновь поплыли в обе стороны купеческие корабли из многих стран с разнообразнейшими товарами. Теперь в торговле активно участвовала и Москва (во времена первого расцвета Волжского пути бывшая крохотным городишком, которому прежде не с чем было выйти на рынок). И в русских, и в татарских приволжских городах появились крупные ярмарки, торговые склады, завелось немало добра.

Видя такое дело, на Волге объявились ушкуйники. И принялись грабить напропалую, не делая абсолютно никаких различий меж православными и «басурманами»...

В 1360 году они захватили и разграбили богатый татар-

ский город Жукотин (Жюкомень) на Каме, подвластный хану Золотой Орды Хидырбеку. А на обратном пути остановились в русской Костроме, чтобы как следует обмыть богатую добычу и вообще развеяться после трудов несправедливых. Что их и погубило. Узнавший об этом хан Хидырбек не мешкая послал гонцов к костромским князьям. Те, не питавшие ни малейшей любви к речным пиратам, ушкуйников быстренько повязали и выдали татарам. Дальнейшая судьба незадачливых новгородских удальцов неизвестна, но вряд ли хан кормил их пряниками и поил кумысом...

Ушкуйников оставалось еще немало, и они затаили злобу: чуть позже выжгли и разграбили Кострому, а заодно и Нижний Новгород – и впоследствии всякий раз, плывя в низовья Волги, грабили эти города и развлекались там, как могли.

В 1374 году ушкуйники разграбили Ярославль. В 1374-м на 90 ушкуях приплыли в русскую Вятку, пограбили как следует, потом отправились в казанский Булгар. Там, правда, не грабили, а сделали великодушное предложение: если им заплатят триста рублей, они ни жечь, ни грабить не будут. Жители Булгара плюнули и откупились. В тот раз им повезло – но впоследствии ушкуйники Булгар жгли-грабили трижды...

На следующий год ушкуйники объявились под Костромой – примерно две тысячи человек на 70 ушкуях. Не ожидая для себя ничего хорошего, жители решили защищаться, и костромской воевода Плещеев вывел в поле пятиты-

сячное войско... Ушкуйники его победили благодаря военной хитрости: разделили свой отряд надвое, половина укрылась в лесу, а когда завязался бой – ударила костромичам в спину. Костромичи бежали. Оставшийся беззащитным город новгородские удалыцы грабили неделю, пытками выведывая у обывателей, куда те заховали ценности. Взяв немало пленных, отправились в Нижний Новгород и устроили там то же самое. Потом поплыли в Булгар (к тому времени уже звавшийся Казанью), где преспокойно продали тамошним «басурманам» своих православных пленников (у мусульман, кстати, существовал строжайший запрет продавать в рабство единоверцев).

Между прочим, командовали этой вольницей не какие-то выборные атаманы, а официально носившие звание воевод некие Прокофий и Смолянин. Ничего удивительного – чуть раньше, в 1365 году, когда ушкуйники отправились в очередной поход на Волгу, двумя сотнями кораблей командовали сразу трое воевод... Городов в том походе ушкуйники не грабили, ни русских, ни татарских, зато захватили немало татарских и армянских торговых кораблей, плывших с товарами, по злой иронии судьбы, как раз в Новгород. Но зачем платить за то, что можно взять даром? Товары забрали себе, купцов перебили вместе с женами и детьми, а корабли сожгли.

Кстати, уточню не без злорадства: воинство Прокофия и Смолянина кончилось плохо. Очень уж разгорелся у них аппе-

тит. Захватив в Казанском ханстве немало татарских пленников, они решили отправиться в ханство Астраханское и бросили якорь в порту его столицы, города Хаджи-Тархан (нынешняя Астрахань). И для начала потребовали у хана Салгея (Салчея) немаленькую дань. У хана не нашлось под рукой достаточно войск, чтобы схватиться со столь сильным отрядом, он и не пробовал задираться. Беспрекословно заплатил, сколько потребовали, потом за хорошие деньги купил захваченных в казанских землях пленников (чем безбожно нарушил упоминавшееся мной правило – пленники были его единоверцами). После чего с самым невинным видом предложил господам ушкуйникам за хорошее жалованье перейти к нему на службу – мол, ему такие удалыцы ох как нужны. Ушкуйники, не ломаясь, согласились. Хан закатил им роскошный пир. Потерявшие бдительность новгородцы перепились вдрызг – халява же! Коварный хан позвал своих нукеров, и они перерезали ушкуйников всех до одного. Что называется, дешево и сердито...

Но ушкуйников оставалось еще немало. В конце концов они обнаглели до того, что с налету захватили, разграбили и сожгли столицу Золотой Орды, город Сарай...

Собственно говоря, на фоне царивших тогда нравов ушкуйники вовсе не выглядели какими-то извращенцами. Как и в случае с Балтикой, все так делали. Русские княжества, то и дело воевавшие друг с другом, поступали точно так же: безбожно грабили церкви в захваченных городах (порой ру-

бя священников и монахов и насилуя монахинь помоложе), а захваченных пленников, таких же православных, продавали в рабство. Разбойничьи набеги за «закамским серебром» и на новгородские земли устраивали и москвичи. Нормальный уровень средневекового зверства, как выражался дон Руммата...

Однако была одна серьезная проблема: своими разбоями на Волге ушкуйники откровенно подставляли другие русские княжества, к этим разбоям не имевшие никакого отношения. До Новгорода татарским ханам было не добраться, да они особенно не разбирались, кто именно на них нападает – «урусы», и точка. И потому сплошь и рядом отыгрывались на совершенно безвинных – то в отместку за очередной налет ушкуйников перебьют русских купцов, не имевших к Новгороду никакого отношения, то устроят набег на Рязань, опять-таки непричастную к новгородским делам.

И русские князья (не только московские), и татарские ханы не раз отправляли в Новгород «ноты протеста», требуя пресечь разбой. Однако из Новгорода всякий раз отписывались стандартно: дескать, это все «робяты молодые балуют» и власти не в состоянии справиться с этим юным хулиганьем. Другими словами, и русским князьям, и татарам предлагалось поверить, что новгородское крутое боярство, располагавшее немалой военной силой (в том числе личной дружиной митрополита), не в состоянии было справиться с ватагой дерзких юнцов...

Никто и не верил, в общем. Разведка существовала уже в те времена. Было доподлинно известно, что разбойничают не просто «молодые робяты», а воины, прекрасно вышколенные опытными новгородскими воеводами (которые, как мы видели, сами порой руководили набегами), а хорошим оружием, доспехами, деньгами, провизией (да и самими ушкунями) пиратскую вольницу втихомолку снабжали новгородские купцы – за долю в прибыли.

К слову, лет через двести точно так же будет разводить руками официальный Лондон в ответ на многочисленные жалобы испанцев на английских пиратов, которые не только перехватывают испанские корабли, но и грабят в Южной Америке прибрежные испанские города. Ответ опять-таки был стандартный: это хулиганят отморозки и беспредельщики, не имеющие никакого отношения к английской короне, которая не в состоянии с ними справиться. Вот только как-то так получалось, что изрядная часть награбленных пиратами в Испанской Америке ценностей неведомо откуда оказывалась в казне английских монархов, иные из пиратов получали дворянское достоинство, а самый знаменитый из них, Генри Морган, как уже упоминалось, остепенившись, стал даже губернатором английской Ямайки – должно быть, как большой специалист по тамошним делам...

В конце концов часть ушкунчиков решила, так сказать, пуститься в самостоятельное плавание. Они устроили этакое подобие знаменитой Тортуги, пиратской столицы Карибско-

го моря. Захватили крепость Хлынов на реке Вятке – очень удобное было место, чтобы совершать набеги как за Обь в поисках «закамского серебра», так и плавать на Волгу в русские и татарские города да вдобавок перехватывать купеческие корабли. Новгороду эта крепость уже не подчинялась, в Хлынове всем заправляли выборные «ватаманы».

Знаменитый наш историк Карамзин по этому поводу ухитрился отмочить, иначе не скажешь, уморительную фразу: «Малочисленный народ Вятки, управляемый ЗАКОНОМ ДЕМОКРАТИИ, сделался ужасен своими дерзкими разбоями...»

Демократия, ага. При такой демократии никакой тирании не нужно, пожалуй. А в общем, Карамзин в чем-то и прав – стоит устроить где бы то ни было разгул демократии, начнется такое воровство и разбой, что только успевай прятаться...

Хлыновская «демократия» (хотя в народе тамошних обитателей именовали гораздо непригляднее – «хлыновские воры»), эта русская Тортуга благоденствовала более ста лет. Чтобы покончить с этим пиратским гнездом, на Хлынов не раз ходили войной и московские воеводы, и татарские ханы, но крепость всякий раз успешно отбивалась, продолжая рассылать во все стороны пиратские флотилии.

Покончить с Хлыновым удалось только в 1489 году – чуточку забавно, но с помощью русско-татарского братства по оружию. Отец Ивана Грозного, великий князь Московский Василий III (сам нрава отнюдь не голубинового), договорил-

ся с казанскими татарами, для которых Хлынов, как и для русских, давненько был костью в горле. И к Хлынову подошло немаленькое, числом в 64 000 человек, объединенное войско – москвичи во главе с воеводой и казанские татары под командой хана Урака. Обе армии имели категорический приказ: без победы не возвращаться. На сей раз после долгой осады и нескольких кровопролитных штурмов «русскую Тортугу» все-таки взяли. «Ватаманов» перевешали тут же, на месте, остальных расселили по городам Московского княжества. Правда, часть «хлыновских воров» (надо полагать, самые предусмотрительные) сумела бежать еще до того, как окончательно сомкнулось кольцо осады, и основалась на Дону, где, по некоторым сведениям, занялась прежним ремеслом, хотя уже без прежнего размаха (некоторые исследователи считают, что именно хлыновцы были предками донских казаков).

Примерно в те же времена прекратились и лихие походы на Волгу ушкуйников новгородских. По чисто техническим причинам: в 1478 году Новгород после поминавшегося сокрушительного разгрома на реке Шелони попал под протекторат Москвы, а там и стал частью Московского государства. В таких условиях уже не попирачествуешь...

Так вот что любопытно: по каким-то неведомым причинам о художествах новгородских пиратов вплоть до последнего времени старались помалкивать, в крайнем случае романтизируя их походы, как это сделала в поминавшейся по-

вести Полежаева-Барская. Причины лично мне решительно непонятны. Хотели умолчать, что наши далекие предки, отнюдь не ангелы, частенько воевали друг с другом и друг друга грабили? Такое объяснение категорически не подходит: о других русских княжествах часто и откровенно писали довольно неприглядную правдочку. Поименно были известны русские князья, не раз выжигавшие и грабившие Киев. Без особого стеснения описывалось, как воевали москвичи с суздальцами и рязанцы с тверичами, преспокойно продавая единоверных пленников в рабство «басурманам». Не менее подробно излагалось, как русские князья убивали и ослепляли друг друга (порой – ближайших родственников). Одним словом, все шло в соответствии с другим высказыванием дона Руматы: «Не воротите нос, ваши собственные предки были не лучше».

И только на историю Новгорода, что четко прослеживается, было наброшено этакое покрывало мифологии и романтики. Здесь и сказочки о новгородском вече как островке невероятно развитой демократии, и замалчивание «подвигов» ушкуйников, и многое другое.

Порой точно так же «облагораживали» историю и других городов – к примеру, Пскова. Сплошь и рядом выставляя его безвинной жертвой крестоносных «псов-рыцарей». Так вот, знаменитая сцена из кинофильма «Александр Невский», где садисты-крестоносцы хладнокровно швыряют в огонь псковских младенчиков, – откровенная ложь. В то время, что по-

казано в фильме, псковичи сами открыли крестоносцам ворота – и какое-то время жили под их управлением, не испытывая никаких таких зверств и притеснений. Вообще Псков достаточно долго поддерживал с ливонскими крестоносными орденами если не дружеские, то вполне ровные отношения – а порой псковичи и крестоносцы, как поминалось, ходили в совместные военные походы на Новгород.

И все равно Новгород стоит на первом месте по числу сплетенных вокруг него романтических мифов – и замалчиванию иных неприглядных сторон тамошнего житья-бытья. Причины, повторяюсь, лично мне решительно непонятны.

А меж тем, если откровенно, Новгород довольно долго представлял собой натуральную занозу в теле государства Московского – сущий очаг сепаратизма. Вздыхавшие о былых вольностях (надо полагать, в том числе и пиратских) новгородские бояре не раз вступали в тайные сношения с польскими королями, всерьез собираясь им «передаться», как выражались в те времена. Знаменитый разгром, учиненный Иваном Грозным в Новгороде, объясняется как раз тем, что тайные агенты Грозного отыскивали в тайнике за иконой одной из новгородских церквей подписанное немалым числом бояр письмо польскому королю, в котором те сообщали, что готовы устроить переход Новгорода под польскую корону.

Вообще-то письмо это до нашего времени не дошло. Иные утверждают, что его вовсе не было. Другие говорят, что бы-

ло. Однако, если качать на косвенных, как выражались смершевцы из романа Богомолова, то есть если учесть все сепаратистские поползновения и заговоры, которые новгородское боярство плело против Москвы, теоретически рассуждая, такое письмо могло быть. Очень уж в новгородском духе...

Одним из косвенных доказательств может служить и то, что, в отличие от Новгорода, соседний Псков, куда тоже наведывалось опричное войско Грозного, никакому такому разгрому и особым притеснениям не подвергся – видимо, не за что было...

Можно еще добавить, что по какому-то загадочному стечению обстоятельств именно из Новгорода частенько расползались по Руси всевозможные ереси вроде «стригольников» или «жидовствующих» – духовная отрава для умов, переполненная еретических нападок на сами основы церковной жизни, богослужебные правила и православные каноны. Вот так уж сложилось...

И кстати, пресловутый «погром Грозным Новгорода» в реальности был далеко не столь зверским и уж безусловно не сопровождался столь уж фантастическим количеством жертв, о каком до сих пор порой пописывают недоброжелатели Грозного. В конце концов, иные европейские короли со своими сепаратистами порой расправлялись и покруче...

И напоследок – история, иллюстрирующая злопамятство новгородцев...

В начале сентября 1862 года, когда в Новгороде с великим размахом, с участием императора Александра II и всех членов императорской фамилии праздновалось тысячелетие России, был торжественно открыт памятник, так и именовавшийся: «Тысячелетию России». На нем изображено множество старинных князей, царей, государственных деятелей...

Так вот, среди них нет Ивана Грозного! Первого русского царя, завоевавшего Казанское и Астраханское ханства, в несколько раз увеличившего территорию России. Царя, заложившего основы государственного устройства, проводившего серьезнейшие реформы во многих областях жизни. Создателя первого в истории России регулярного войска. Судебная реформа, церковная, создание постоянных государственных учреждений... Введение по всей стране выборных из самого что ни на есть «черного народа», ограничивавших власть всесильных прежде воевод... Чтобы рассказать обо всем подробно, понадобилась бы целая книга (и она есть).

На памятнике изображены во множестве деятели, чьи труды не стоят и сотой доли того, что совершил Грозный для блага державы. А вот великого царя – нет...

И ведь проскочило! Уверен, при Николае I такое ни за что не прошло бы. А вот его сынок (о котором подробный разговор впереди), заигравшийся в глупый либерализм до того, что разбудил «демонов революции», в конце концов метнувших ему бомбу под ноги, отнесся к отсутствию Ивана Гроз-

ного совершенно спокойно. Выразил свое монаршее расположение, наградил автора памятника орденом Владимира 4-й степени и ежегодной пенсией в 1200 рублей. И глазом не моргнув выслушал патетическую речь губернского председателя дворянства, вещавшего, что новгородское дворянство-де всегда испытывало к царям московским «горячую любовь и преданность» (хотя в реальной истории сплошь и рядом обстояло с точностью до наоборот)...

Автор памятника Микешин – скульптор весьма небезвестный, прославившийся не одним этим памятником. Вот только по происхождению он – новгородец. Что многое объясняет. Прямых свидетельств нет, но известно, что и в те времена иные новгородские уроженцы питали к Грозному потаенную лютую ненависть, как раз за тот пресловутый «погром».

Хорошенькое историческое злопамятство, не потускневшее и за триста лет...

Глава четвертая

Сыщик, ищи вора!

Впервые столетия Русского государства система борьбы со всевозможной уголовщиной не блистала ни отлаженностью, ни организованностью. Судил-рядил обычно сам князь и его близкие люди, «посадники» и «тиуны» (сплошь и рядом происходившие из холопов). (В общем, в Европе обстояло примерно точно так же, регулярная полиция была делом будущего, а знаменитые английские шерифы одно время выполняли чисто административные функции.)

Что характерно, обязанность доказывать совершенное против тогдашнего жителя то или иное преступление сплошь и рядом лежала на нем самом. И истец, и ответчик должны были непременно привести с собой «послухов», свидетелей, которые должны были подробно (причем без разночтения в показаниях) рассказать, кто именно был зачинщиком драки, закончившейся ранами или увечьями.

Гораздо проще обстояло с воров-«татем», пойманным с поличным на месте преступления, — тут уж хватало свидетелей, показывавших одно и то же. А вот если вор успевал скрыться с добычей, разыскивать его приходилось опять-таки самому «истцу». Потерпевший ходил по базару, выискивая, не продает ли кто его вещи, — и, усмотрев свое кров-

ное, хватал продавца за шиворот и предъявлял властям. Если продавец не мог доказать, что он сам эти вещички у кого-то купил, не подозревая, что они краденые, и предоставить свидетелей, автоматически признавался вором.

Существовал еще обычай под названием «вервь», охватывающий территорию какой-то конкретной общины. Этакая круговая порука. Если на территории общины находили убитого, община должна была сама разыскать убийцу, а если этого не удавалось (ищи ветра в поле!), должна была заплатить денежный штраф князю («виру») и родственникам убитого («головничество»). Если на дороге случался разбой (чаще всего страдали купцы) и след вел к какому-то селу, его жители опять-таки должны были самолично изловить разбойников – или доказать, что к «следу» этому не имеют никакого отношения.

Система эта, когда потерпевший сам себе сыщик, охватывала не только «простой народ», но и людей побогаче. Владелец беглого холопа должен был сам его разыскивать, и только в том случае, когда беглеца удавалось обнаружить и опознать, можно было обращаться за вооруженной подмогой к посаднику. Правда, со временем появились люди, которых можно назвать первыми на Руси частными сыщиками: они за деньги искали и ловили беглых холопов (чем-то напоминая появившихся несколько сотен лет спустя в США профессиональных охотников за объявленными в розыск бандитами, что отлично показано в классическом вестерне «На несколь-

ко долларов больше»).

Позже прогресс в сыском деле, если можно так выразиться, шагнул вперед. Появились особые судебские чиновники, именовавшиеся в официальных бумагах «ябедниками». К доносам это не имеет никакого отношения: ябедник был родоначальником уже государственных сыщиков – искал воров и грабителей по горячим следам. Вот только, даже если виновный оказывался под судом и получал свой приговор, о возмещении убытков приходилось заботиться опять-таки самому потерпевшему: получить награбленные вещи или деньги, увести к себе домой неисправного должника, которого мог преспокойно запродать в холопы.

В XV веке в русских источниках в дополнение к «ябедникам» появляются и люди под названием «погонные мужи» (явно от слова «погоня»). Они только тем и занимались, что преследовали воров, разбойников и прочих преступников. Судя по всему, состояли они на жалованье у государства – так что понемногу зарождалась и профессиональная полиция, точнее, тогдашние «разыскники».

Понемногу развивались и писанные своды законов – так называемые Судебники. В Судебнике 1497 года 12 статей из 68 как раз и посвящены наказаниям за всевозможные уголовные преступления. Судебник перечисляет такие виды преступлений, как «татьба» (грабеж), «душегубство» (убийство), «разбой» (грабеж с опасностью для жизни потерпевшего), «ябедничество» (ложный донос). Впер-

вые появляется термин «ведомый лихой человек» (субъект, о чьей преступной деятельности окружающим известно немало, и они готовы показать это под присягой). Есть в этом Судебнике и «церковный тать» (грабитель церковного имущества), «головной тать» (грабитель-убийца), «подымщик» (преступник, скрывающийся под чужим именем) и «зажигальщик» (поджигатель).

За все эти преступления полагалась смертная казнь: виновному оттапывали голову на площади без лишней волокиты. Исключение делали только для тех, кто попался на грабеже впервые: им устраивали так называемую торговую казнь – драли кнутом на площади и конфисковывали все имущество, из которого следовало возместить убытки потерпевшему.

Судебник 1550 года в основном пополнил список «политических статей: теперь кроме «коромольника» (мятежника) строгой каре подлежали и «градский здавец» (изменник, сдавший город неприятелю), и «подметчик» – составитель и распространитель «подметных писем», «мутящих народ». (Как видим, с самиздатом боролись уже в те времена...)

Английский капитан Ченслер, побывавший в России во времена Ивана Грозного, писал: «По их законам никто не может быть повешен за первый проступок; но виновного долго держат в тюрьме и часто бьют плетьюми и иначе наказывают, и он должен оставаться в тюрьме, пока друзья не поручатся за него. Если вор или мошенник, которых здесь

очень много, попадется вторично, ему отрезают кусок носа и выжигают клеймо на лбу и держат в темнице, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении, если же он попадется в третий раз, его вешают».

Между прочим, записки Ченслера полны неподдельным удивлением по адресу такой гуманности «москвитов». У себя дома англичанин привык к другим порядкам: там, за редкими исключениями, преступников вешали и рубили головы уже после первого правонарушения...

Что интересно, в XVI веке на ночных улицах Москвы всю проказили не только двуногие хулиганы-воры, но и... четвероногие. В те времена прямо-таки модным поветрием среди более-менее зажиточного народа было держать у себя на подворье ручных медведей (иногда на цепи, иногда свободно). Есть подозрения, что это снижало процент краж: забравшийся в чужой богатый двор ворюга рисковал угодить в дружеские объятия косолапого сторожа...

Так вот, с наступлением ночи всю эту мохнатую ораву хозяева в массовом порядке выпускали на улицу погулять – и мишки целыми толпами бродили до рассвета. Что удивительно, ночных сторожей и припозднившихся прохожих они не трогали – иначе власти довольно быстро покончили бы с этим обычаем, а он продержался достаточно долго. Зато меж собой медведи не раз выясняли отношения (правда, до смертоубийств вроде бы не доходило) – а с рассветом возвращались каждый на свой двор.

Серьезный вклад в борьбу со всевозможной преступностью внес Иван Грозный. До него страной управляли воеводы, назначавшиеся на пост, как тогда простодушно выражались, «на кормление». Вот они и «кормились», как могли... На них же лежала обязанность бороться с преступностью. Какое-то время они справлялись, но позже, с образованием Московского государства, стали относиться к этому спустя рукава – да и старая система уже выглядела пережитком.

Грозный принял довольно эффективные меры. Создал «приказы» – аналог нынешних министерств и выстроил, как сказали бы мы теперь, «властную вертикаль», чувствительно прищемив бояр, которым отныне жилось не так вольготно. Теперь уголовщиной занимались приказы, названия которых говорят сами за себя – Разбойный, Сыскной, Разрядный и Холопий. Кроме того, по приказу Грозного на местах были созданы особые учреждения для борьбы с преступниками, причем большинство должностей в них были выборными. В каждом уезде землевладельцы – не только князья и дворяне, но и крестьяне – выбирали из дворян «губного старосту» и «губного дьяка», а крестьяне еще губных целовальников, сотских и десятских. Все эти выборные составляли так называемую «губную избу», должны были отлавливать преступников, судить их и казнить. Губные избы подчинялись Разбойному приказу. Это уже, по сути, был первый тогдашний аналог МВД и управлений внутренних дел на местах – разве что с сильными элементами выборности.

И наконец, самый полный перечень уголовных преступлений содержит Соборное уложение 1649 года. Оно тщательно отсортировало злодеяния по их опасности: на первом месте стояли преступления против Бога, Церкви и Государя, далее шли уголовные и другие преступления. Система наказаний была прописана четко: богохульника (мешавшего отправлению церковной службы или совершившего убийство в церкви) сжигали на костре. Грабителям церквей рубили головы. За совершенные в церкви преступления «рангом» поменьше (нанесение ранений в драке, «непристойные речи и оскорбления») полагалась «торговая казнь» либо тюрьма. Жестоко наказывались «драка и брань» на царском дворе.

Особо жестокая смертная казнь в XVII веке грозила фальшивомонетчикам – им заливали в глотку расплавленный металл. Возможно, кто-то и удивится, но казнь эта была даже гуманнее европейских: в Германии задолго до того фальшивомонетчиков варили в громадном котле с кипящим маслом, но не бросали туда сразу, а, подвесив на веревке под мышки, опускали медленно: по щиколотки... по голени... по колени... Что было гораздо дольше и мучительнее, чем заведенная в Московском государстве казнь.

Уголовные преступления против «простых» граждан тоже карались без особого гуманизма. За убийство полагалась смертная казнь, за увечье – аналогичное калечение и денежный штраф. Теперь за первую кражу отрубали левое ухо, сажали в тюрьму на два года, а потом ссылали в «украинные

города», то есть на границы государства. За вторую отсекали оставшееся ухо, отправляли в тюрьму уже на четыре года, потом опять-таки ссылали. За третью – казнили.

Однако давно известно: никогда и нигде жестокость наказаний не приводила к значительному ослаблению преступности. Причины тут чисто психологические: всякий вор-разбойничек считает себя самым хитрым и ловким, полагая, что уж его-то ни за что не поймают. Давненько уж англичане отметили: самое большое количество карманных краж случилось в толпе, собравшейся поглазеть, как вешают карманника или иного уголовника...

Соборное уложение вынуждено констатировать: «А которые воры на Москве и в городах воруют, в карты и зерную (игральными костями. – А. Б.) играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают... будет где такие воры объявятся, и их всяких чинов людям имая, приводите в приказ...»

Бывали и чисто анекдотические истории. У некоего Михаила Тихонова украли со двора черную курицу (которую он на другой день опознал в торговых рядах, где ее как ни в чем не бывало продавал некто Андрей Аникеев). Михаил, не растерявшись, тут же ухватил Аникеева за шиворот и поволок на «съезжую избу» (некий аналог ГОВД), но по дороге на него напали какие-то субъекты, скорее всего, дружки Аникеева, побили, сорвали шапку и разбежались. А курицу Аникеев тут же задушил и бросил. До съезжей избы Тихонов

Аникеева все же доволок и даже предъявил в качестве улики задушенную курицу, но вот свидетелей-то у него как раз и не имелось. А Аникеев с честнейшими глазами твердил, что курицу купил честно, а придушил ее Мишка, напавший ни с того ни с сего. В конце концов, выражаясь современной терминологией, дело прекратили за невозможностью установить виновного и обоих отправили со двора...

Но так благостно обстояло далеко не всегда. Власти принимали все возможные меры: по примеру Ивана Грозного отправляли в ночные дозоры стрельцов и сторожей, на ночь перегораживали улицы решетками и «рогатками» (нечто вроде шлагбаума), – но грабежи и убийства оставались ночным кошмаром для горожан. Голландский дипломат Николас Витсен писал в 1665 году: «Теперь мы, идя по улицам, заметили озорство русских: в сумерках у некоторых из наших отняли ружья (а вы так и отдали, орлы боевые? – А. Б.) и нам сказали, что за одну ночь были убиты 12 человек, им перерезали горло, и что это здесь часто случается».

Ему вторит австриец Корб, писавший в 1698 году: «На многолюднейших улицах столицы найдены два москвитя, которым неизвестные люди отсекали головы. По ночам в особенности невероятное множество всякого рода разбойников рыщет по городу».

В утешение нашему оскорбленному чувству национальной гордости можно сказать лишь, что в те же самые времена криминогенная обстановка где-нибудь в Париже и в Лон-

доне (где регулярные полицейские силы появились только в начале XIX века) наверняка обстояла не лучше – не от хорошей жизни, как уже упоминалось, в Англии отрубали голову уже за первую кражу...

Пытаясь хоть как-то сбить эту поганую волну ночных разбоев и убийств, еще Борис Годунов, разбив Москву примерно на 12 участков, назначил в каждый так называемых объезжих голов – этаких начальников мобильных патрулей. Им предписывалось с отрядами стрельцов и ночных сторожей (так называемых решеточных приказчиков) объезжать все улицы и переулки «день и ночь беспрестани», пресекать не только преступления и драки, но и тайную торговлю спиртным, курение и продажу табака, бороться с уличной проституцией, а особенно с поджогами, и следить за соблюдением тогдашних правил противопожарной безопасности (то есть ночью держать у себя дома открытый огонь, что, главным образом летом, часто вызывало пожары).

О том, какое важное значение придавалось этим патрулям, лучше всего говорит то, что командовать ими назначались люди ох как не последние – князья, бояре, дьяки (довольно высокопоставленные чиновники).

Этот обычай продержался больше пятидесяти лет, но пользу приносил далеко не всегда. Дело тут было не только в наглости уголовного элемента – с ним-то порой как раз было проще всего. Самые что ни на есть законопослушные граждане как могли пытались увернуться от «мобилизации»

в эти караулы, а к противопожарной безопасности относились наплевательски. Уже в 1695 году один из объезжих голов, Никита Головин, не раз жаловался царю на жителей Ордынки, Пятницкой и Екатерининской улиц: «Чинятся непослушны... дневных и ночных караулов нет, и надолбов на ночь не закладывают, и избы и мыльни (бани. – А. Б.) топят безвременно, и чинятся бои и драки, и ножевое резанье, уличные караульщики не стоят николи, и ночью в объезд ездить опасно...»

И подобных жалобных донесений – великое множество. Доходило до сущего беспредела. Однажды двое «голов» неосмотрительно решили устроить съезжую избу на подворье некоего Патрикея Мартьянова, простого холопа. И не учли одного: что холоп не такой уж и простой, поскольку принадлежал царскому карлику Мишукову, бывшему в большой милости у молодого государя Петра I. Мишуков нагрянул «со многолюдством», велел разложить обоих официальных лиц на дворе и как следует выпороть. Что и было тут же проделано. Через несколько дней осмелевший сын Мартьянова с кучей вооруженного палками народа погнался за некстати попавшимися ему на пути теми же головами, Львовым и Друковцевым, громогласно обещая, что он сейчас с ними проделает массу неприятного.

Еле ускакали. А правды так и не нашли. Впрочем, и «объезжие караулы» были не без греха: они часто ложно обвиняли горожан в непослушании, нарушении правил, оскорб-

лениях, а то и в прямом насилии. В свою очередь, горожане столь же часто жаловались, что вместо борьбы с реальными «татами» караулы оскорбляют и бьют неповинных обывателей, незаконно арестовывают и вымогают деньги. Поскольку такова уж человеческая природа, а наверняка обе стороны были не без греха... Однажды одному из объезжих голов, да не простому дяку, а князю Анастасу Алексеевичу Македонскому, пришлось даже, пусть и недолго, отсидеть за решеткой за «превышение полномочий» (хотя, думается, он был не так уж и неправ). Люди князя забрали на «съезжую» нескольких особенно разбуянившихся стрельцов (видимо, перебравших зелена вина) – и там выдрали их батогами. Началась вневедомственная склока. Глава Стрелецкого приказа боярин Илья Милославский направил жалобу в Разрядный, упирая на то, что подвергать своих подчиненных телесным наказаниям имеет право только он, и никто другой. Поскольку Милославский был при дворе царя Алексея Михайловича в большом почете и уважении, а князь, несмотря на титул, был персоной незначительной, царь принял сторону своего любимца и в грозном письме сообщил князю, что тот, выпоров стрельцов, тем самым «бесчестил боярина Илью Даниловича», за что повинен отсидеть день в тюрьме...

К вопросу о проституции. Это ремесло наши бабоньки освоили тоже в довольно ранние времена. Причем собирались не где-нибудь – на Красной площади, где в середине

XVII века существовала самая большая в Москве ярмарка. Были целые ряды, где женщины торговали белилами, румянами, холстами. Патриарх Филарет в свое время особым указом запретил такую торговлю по каким-то своим причинам, но она преспокойно продолжалась. Это была чистой воды торговля, и не более того, но среди торговок попадалось немало женщин, предлагавших гораздо более интересный, с точки зрения иных индивидуумов мужского пола, товар... Проститутки, ага. Оpoznать их понимающему толк человеку было проще простого: «блудная жонка» держала во рту колечко с бирюзой, так что никакой ошибки случиться не могло. Подходи и договаривайся...

С проституцией тогдашние власти боролись как-то откровенно вяло. Порой, когда «ночные бабочки» попадались представителям власти, с них брали штраф в две деньги, что было не такой уж и большой суммой. Порой, во время своеобразных «кампаний» (которые являются приметой не только нашего времени), наловленных жриц продажной любви охаживали кнутом на площади, после чего отпускали восвояси – особых наказаний против проституток в Судебнике XVII века прописано не было.

Некоторую активность проявляла разве что церковь – судя по сохранившимся документам, не разграничивавшая четко блуд за деньги и просто блуд. Виновных в том и в другом карали одинаково – церковным покаянием.

Церковное покаяние – вещь серьезная. Когда я задавал вопрос иным интеллигентам – что, по их мнению, оно собой представляло, – мне всякий раз, сначала старательно наморщив лоб в размышлениях, отвечали:

– Ну... Должно быть, человек должен был сходить в церковь, помолиться и в грехах покаяться...

Разными словами говорилось, но смысл всегда был именно этот. Меж тем церковное покаяние – наказание не в пример строже, чем обязанность «сходить в церковь». И заключалось оно в том, что наказанного на долгие месяцы, а то и годы отправляли в какой-нибудь монастырь фактически на положение заключенного – не под «замок» (хотя иногда и такое случалось), но со строжайшим запретом выходить за монастырские ворота. И обязанностью посещать все церковные службы и моления. Именно к такому покаянию – трехлетнему – был приговорен второй участник роковой для Лермонтова дуэли майор Мартынов. Не за убийство, а за само участие в дуэли (с дуэлями, официально разрешенными для военных, а заодно и штатских в 1894 году) всегда боролись жестко, от лишения чинов и дворянства и ссылки в Сибирь или заключения в крепость до смертной казни (при Петре I). Русских дуэлянтов эти суровые меры «останавливали» не более чем французских благородных дворян во времена кардинала Ришелье, установившего за простое участие в дуэли, пусть даже закончившейся царапинами, смертную казнь...

Как мера наказания церковное покаяние сохранилось в

виде одной из статей Российского Уголовного уложения вплоть до краха империи – и до этого же времени статья не «спала», а применялась не так уж редко.

А теперь поговорим о подделке денег. Точнее, об одной весьма нашумевшей в свое время истории, где сплелись интересы как недобросовестных мастеров государственного казначейства, так и крайне высокопоставленных тогдашних сановников. Афера даже сегодня кажется впечатляющей.

В отличие от Европы, на Руси, как и в случае с «баронами-разбойниками», довольно долго отставали в «порче монеты», то есть подделке денег. Вот как-то так исторически сложилось (хотя тогдашние деньги были столь несовершенными по исполнению, что подделать их было нетрудно).

Лично у меня есть сильное подозрение, что деньги на Руси стали подделывать очень рано. Правда, тут приходится «качать» на косвенных – общемировой опыт свидетельствует: деньги начинали подделывать после того, как они появлялись. Уже знаменитые «Законы царя Хаммурапи» (жившего почти за 2000 лет до Рождества Христова) грозят фальшивомонетчикам смертной казнью. А на Руси деньги стали чеканить уже в X веке. Так что не исключено: ранние летописи просто не дошли до нашего времени.

Как бы там ни было, самое раннее упоминание о фальшивомонетчике на Руси относится к 1447 году (Новгородская летопись). Упомянуты и имя проказника, и его профессия. Некий Федор Жеребец, литейщик и серебряных дел мастер,

был уличен в подделке новгородской гривны (имевшей вид не монеты, а серебряного слитка строго определенной формы, размера и веса). Что с ним случилось, мне неизвестно (честно говоря, попросту лень было искать в своих книжных развалах современное издание Новгородской летописи, это в конце концов вопрос не принципиальный). Но вряд ли Жеребца за его побочные трудовые достижения (наверняка он вульгарно подмешивал в свои гривны немало меди или олова) накормили пряниками. Та же летопись сообщает: там же, в Новгороде, в 1462 году при большом стечении народа утопили в Волхове уже шестерых фальшивомонетчиков – Жеребец умер, но дело его жило...

Прошло всего несколько десятилетий, и «порча» денег приняла самый широкий размах. Летописец времен великого князя Московского Василия Ивановича, отца Иоанна Грозного, сообщает: «При державе великого князя Василия Ивановича начата безумии человецы научением вражым... деньги резати и злой примес и серед класти, того много лет творяху».

«Научение вражье», согласно лексикону того времени, означает вовсе не происки каких-то иностранных агентов, а исходящий от дьявола соблазн. Дьявол так и именовался: «Враг рода человеческого».

Кстати, летописец точно описал основные технологии, все последующие столетия использовавшиеся фальшивомонетчиками. «Примес» – это, конечно же, добавление неблаго-

родных металлов. А «серед класти» – это наверняка другой, не менее популярный метод: фальшивая монета изготавливалась из меди, олова, какого-нибудь дешевого сплава, а потом покрывалась тонким слоем серебра или золота. В указе царя Алексея Михайловича 1654 года упоминаются и «денги портучены» (медь натирали ртутью, и на какое-то время она принимала цвет серебра), и «денги полуженные» (покрытые оловом горячим способом, что опять-таки давало крайне схожий с серебром цвет), и деньги посеребрённые.

(В свое время я крайне дешево купил у антикваров фальшивый рубль Анны Иоанновны, отлитый из какого-то дешевого сплава, по весу соответствовавшего серебру, и покрытый тонким слоем серебра. В нескольких местах серебрение стерлось – но очень опытные нумизматы, которым я эту монету показывал, уверяли, что серебрение держалось довольно долго, годами. Есть у меня и «воровские щипцы», описанные в романе «Дикое золото». Этакие щипцы с длинными прямоугольными концами, на внутренней стороне которых весьма мастерски выгравированы обе стороны серебряной двадцатипятикопеечной монеты времен Александра II. Тут же – дырочка, в которую вливался расплавленный металл. Когда он остывал, монету вынимали, «шпенек» аккуратно спиливали и пускали деньги в оборот. Ее рисунок, повторяю, был выполнен весьма качественно – были умельцы во глубине сибирских руд...)

Как и по всему миру, подделка денег на Руси каралась

крайне строго. Снова слово летописцу: «Казнили многих людей, москвич, и смолян, и костромич, и волжан, и ярославец, и иных многих городов московских, а казнь была: олово (расплавленное. – А. Б.) лили в рот и руки секли».

Во времена того же Алексея Михайловича уже была четко разработана система наказаний в зависимости от рецидива, а также от того, была ли вина легкой или тяжелой. По возрастающей:

1. Отрубить два пальца на одной руке или по одному на обеих.
2. Отрубить левую руку.
3. Отрубить одну ногу и левую руку.
4. Отрубить обе ноги и левую руку.

Последние три пункта практически означали смертную казнь – учитывая уровень тогдашней медицины. Впрочем, есть сведения, что иные выживали – человек все же чертовски живучее существо...

Во всем этом нет никакого «специфически русского варварства». Как я уже упоминал, в германских государствах фальшивомонетчиков варили в кипящем масле, привязав веревкой под мышки и опуская в котел очень медленно. В Англии отрубали уши и вырывали ноздри – что по сравнению с германскими нравами (оба вида наказаний в двух странах относятся примерно к одному времени) было, пожалуй, сущим гуманизмом: человек с отрубленными ушами и вырванными ноздрями может прожить еще долго, пользуясь

многими благами и радостями жизни, а вот когда его заживо варят в кипящем масле, пока не сварится, тут уж никаких шансов не остается. Бр-р! Даже странно, что подобный гуманизм имел место именно в Англии (тамошняя система пыток и казней, смело можно сказать, была в старые времена самой зверской в Европе [включая Европу и наше Богоспаемое Отечество...]).

А гораздо раньше, в канун Рождества 1125 года, английский король Генрих I вызвал к себе всех должностных лиц, ответственных за выпуск денег, и потребовал доказать лично каждому, что он не портил монету в своих корыстных целях. «Докажите вашу невиновность». (Кстати, если чуточку отклониться от главной темы, этот же метод и сегодня используется против заподозренных в каких-то неблагоприятных делишках полицейских. Презумпция невиновности в данном случае не действует: суровые ребята из Отдела внутренних расследований так и требуют: «Докажите вашу невиновность!»)

Тут же, неподалеку, стояли хмурые палачи с орудиями производства и лекари с тогдашними бинтами. Потому что тому из сановников, кто свою невиновность доказать не смог, тут же отрубали руку. Мне не удалось установить точно, сколько всего было этих сановников, но достоверно известно, что от короля вышли однорукими все... В истории Англии этот случай именуется Кровавым Рождеством.

Ну а если читатель пригорюнился, глядя на описания всех

этих зверств, вновь ненадолго отклонюсь от главной темы и расскажу пару уже откровенно юморных, на мой взгляд, историй, несколько связанных с подделкой денег, – правда, имевших место не на Руси.

В 60-х годах XIX века в США дела у американской банковской фирмы пошли очень уж плохо. И, чтобы их поправить, финансисты (фирма «Кларк Грубер и компания» из Денвера, штат Колорадо) прибегли к довольно оригинальному методу. Организовали оснащенную по последнему слову тогдашней техники мастерскую, скупали золото, и из него умельцы чеканили двадцатидолларовые монеты. Они были без всякой примеси неблагородных металлов, наоборот – содержание золота в монетах было даже чуточку выше, чем в государственных (понятия не имею, зачем банкиры выбрали именно этот способ, тут какие-то сугубо американские хитрушки, но именно так все и было).

Именно повышенная в сравнении с государственной проба и спасла банкиров от суда, когда это дело все же выплыло наружу и им занялась специальная комиссия конгресса США. Согласно тогдашнему законодательству, под суд попадали те, кто уменьшал содержание золота или серебра в фальшивых деньгах, – а вот банкиры, поступавшие совсем наоборот, согласно каким-то юридическим хитросплетениям, фальшивомонетчиками уже не считались... Дело закрыли, кончилось все тем, что правительство купило у банкиров за 25 000 долларов их мастерскую (не знаю подробностей,

но оборудование с нее наверняка попросту перекочевало на государственные монетные дворы – американцы люди практичные, а банкиры шлепали монеты, абсолютно неотличимые от государственных...).

Закон, конечно, быстренько изменили, чтобы не появились шустрые последователи. Как оказалось впоследствии, продумав далеко не все. Есть у законов такая особенность, они частенько изрядно отстают от технического прогресса, и ничего порочащего Фемиду либо странного в этом нет – поди угадай заранее, какие технические новинки появятся через энное количество лет и будут использованы в криминальных целях (человек – существо сообразительное, сплошь и рядом именно к криминальным целям приспособливает довольно быстро многие новинки науки и техники).

В тех же США в 30-е годы XX века накрыли шайку фальшивомонетчиков, чеканивших не так давно вошедшую в оборот никелевую разменную монету. Но, едва они представили перед грозным судьей, адвокат завопил:

– Ваша честь, требую немедленно освободить моих клиентов! За что их судить?

Судья был изрядно ошарашен, но признал правоту адвоката. Действительно, получалось, что судить шустриков не за что. Тогдашние законы касаясь подделки денег были сформулированы примерно следующим образом: судебному преследованию подлежит каждый, кто подделывает банкноты, золотую, серебряную и медную монету. О никелевой монете

там не было ни словечка, потому что закон принимался в то время, когда никто еще и не думал о чеканке никелевых монет. Ну вот не за что судить! Деяние, не запрещенное законом, преступлением не является, все, что не запрещено, то разрешено...

Можно примерно представить, какие именно слова проносили про себя и судья, и прокурор, и отловившие народных умельцев детективы. Но ничего не поделаешь – пришлось со скрежетом зубовным этих субчиков отпустить на все четыре стороны. Закон, разумеется, в срочном порядке изменили, и, чтобы застраховаться от всех возможных казусов, он теперь звучал примерно так: преступлением считается подделка любых денежных знаков США, из какого бы материала они ни были изготовлены...

Третий казус связан опять-таки с двадцатидолларовыми золотыми монетами США. Некоторые из них, выпущенные в определенные годы малыми партиями, именно из-за своей редкости очень высоко ценились на европейском антикварном рынке. Внезапно (дело было не так уж и давно, в последней трети XX века) эти редкие монеты стали появляться все чаще и чаще, и прошло некоторое время, прежде чем антиквары поняли: этого просто не может быть, это неправильно, таких монет никак не могло остаться столько... Следовательно...

Делом занялся Интерпол, «свежепоступившие» монеты были подвергнуты тщательным анализам. Очень быстро вы-

яснилось: по весу и содержанию золота они полностью соответствуют раритетам-подлинникам. Вот только отчеканены не сто лет назад, а буквально вчера...

Оказалось, это подсустились ушлые итальянские мафиозо. В чем была их выгода, догадаться нетрудно: «антикварная» монета стоила гораздо дороже, чем потраченное на ее изготовление золото. Настолько дороже, что прибыль получалась нешуточная и стоила потраченных трудов...

И напоследок – история из моего личного опыта. Лет двадцать назад мой знакомый (ныне, к сожалению, покойный), высококлассный ювелир, исключительно, как говорится, ради прикола изготовил несколько золотых денежек, десятирублевок времен царствования Николая II. С оборотной стороны (реверса) они абсолютно ничем не отличались от подлинных. Но вот на лицевой стороне, аверсе, вместо профиля императора красовался профиль самого ювелира, а вместо надписи «Божьей милостью Николай II, император и самодержец всероссийский» стояло: «Такой-то (имя, отчество, фамилия), ювелирных дел мастер». Знакомые, которым он эти монеты показывал, похохотали вдоволь. Несколько раз мастер разыграл нумизматов – сначала демонстрировал оборотную сторону (причем все делали вывод, что монета подлинная), а потом показывал лицевую.

Разумеется, ни один закон ни в малейшей степени не был нарушен – изготовление подобных фантазийных вещичек законом не запрещено, да и никакой материальной выгоды

ювелир из своего деяния не извлекал, так что все тут было чисто...

«Посмеялись? А теперь давай похмурился...» («Баллада о крыльях». Р. И. Рождественский). Вернемся в XVII век...

Сущий всплеск предосудительного ремесла приходится на вторую половину XVII века. Причем инициатива исходила как раз сверху...

Денежное обращение Московского государства особой сложностью не отличалось. Медных денег наши предки еще не знали, ходили всего два вида серебряных – «деньга» и «копейка» (вдвое больше величиной и номиналом «деньги»). Были они совсем небольшими, некруглыми, а скорее напоминавшими по форме арбузное семечко (но пользовались довольно высокой покупательной способностью). Параллельно с ними в обращении были и немецкие серебряные талеры различных государств (а то и епископств), скопом именовавшиеся «ефимки». Их тоже брали охотно, но уже народ побогаче, потому что курс ефимков был от 42 до 50 копеек, что для небогатого горожанина было суммой очень даже приличной.

Чеканка монет в России во времена Алексея Михайловича находилась под особо бдительным и строгим присмотром властей. Всякий, поступавший на какую бы то ни было работу на Монетный двор (называвшийся тогда Денежным двором), должен был дать особую присягу и вдобавок привести солидных поручителей, засвидетельствовавших бы его чест-

ность и добропорядочность. Мало того, и сам кандидат в монетных дел мастера, и его поручители должны были дать обязательство, что поступающий на работу не станет красть серебра, подмешивать в серебро медь и олово, подделывать чеканы и изготавливать фальшивую монету.

Ведавшие Денежным двором чиновники были не настолько наивны и доверчивы, чтобы полагаться на одни только устные обязательства и клятвы... За мастерами был самый строгий присмотр. Один из книжников тех времен писал: когда мастера приходят на работу или уходят домой, «их осматривают донага, чтобы они не приносили меди и олова и свинцу, или з Двора чего не снесли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.